

ВЕНАМЕР АТАКОВАНА

ИГОРЬ НЕГАТИН

ЛИШНЕЕ ЗОЛОТО
ЗА ГРАНЬЮ ДЖИХАДА

Мир «Земли лишних»

Игорь Негатин

**Лишнее золото. За
гранью джихада**

«АЛЬФА-КНИГА»

2014

Негатин И. Я.

Лишнее золото. За гранью джихада / И. Я. Негатин — «АЛЬФА-КНИГА», 2014 — (Мир «Земли лишних»)

Ремесло ювелира далеко от войн и политики. Маленький приморский городок, спокойная и размеренная жизнь. И дни скучны и похожи друг на друга, как патроны в пулеметной ленте. Но так будет не всегда. Случайная находка на побережье превратится в ужасный кошмар, который заставит вытащить из шкафа потрепанный камуфляж и сменить блеск драгоценностей на холод вороненой стали. И вновь переплетаются дороги и судьбы людей, живущих в Новом мире. Война на пороге.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	41
-----------------------------------	----

Игорь Негатин

Лишнее золото. За гранью джихада

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Муэдзин пел старательно и неторопливо. Призыв к утреннему намазу ас-субх он начинал резко и с очень высокой ноты. Словно обрушивался на совесть тех, кто в этот час еще спал:

Аллаху акбар!
Ашхаду алля иляха илляллах...

К середине строки его голос понижался, набираясь сил перед концом фразы, и опять улетал вверх. Будто не людей призывал к молитве, а обращался к небесам, в надежде быть услышанным у престола Аллаха:

Ашхаду анна мухаммадар-расулюллах.
Хаййа галяс-саях...

На востоке, закрытом туманом и темными горными вершинами, зарождался новый день. И пусть облака, обнявшие вершину Арч-Корта, еще не окрасились в нежный предрассветный румянец, но рассвет уже чувствовался. В дурманящем запахе горных трав, в кристально чистом воздухе. Даже горная река, омывающая эту каменистую землю, сейчас шумела иначе.

Один из домов горного селения стоял на некотором удалении от остальных. Он был окружен глухим и крепким забором. На втором этаже в небольшой комнате спал мужчина. Еще не старик, но выглядевший гораздо старше своих шестидесяти лет. Лицо, хоть и сохранившее гордый профиль, напоминало печеное яблоко. Ранние для его возраста старческие пятна и глубокие морщины переплетались с побелевшими шрамами в затейливую вязь. Кожа на руках напоминала старинный пергамент. Когда раздались первые звуки азана, он, даже еще не проснувшись, поморщился. Мужчина никогда не любил рано вставать. В его жизни было слишком много бессонных и тревожных ночей. Поэтому сейчас, когда ему стукнуло шестьдесят два, он позволял себе расслабиться и спать столько, сколько нужно для его уставшего тела. Только вот заснуть не получилось. И дело здесь не в этом, раздери его шайтан, муэдзине! Что-то другое, неуловимое и непонятное. Чувство надвигающейся беды, которое его никогда не подводило. Оно просто захлестнуло душу своим мутным потоком опасения и тревоги.

Он открыл глаза и увидел сидящего напротив кровати незнакомца...

Тому было около сорока. По крайней мере, выглядел этот человек не старше. Он был смугл и черноволос. Короткая стрижка и трехдневная щетина серебрились искрами седых волос. Темные, почти черные глаза смотрели на собеседника холодно и спокойно. Одежда тоже ничем особенным не отличалась от той, к которой привык хозяин этого дома. Выцветшая на солнце форма оливкового цвета и выдававший виды разгрузочный жилет. На шее – черно-белая куфия. В правой руке прищелец держал пистолет. Легко и привычно.

Незванный гость сидел верхом на стуле посередине комнаты. Сидел и спокойно смотрел на открывшего глаза хозяина. Рядом с ним стоял небольшой кожаный чемодан. Даже не чемодан, а саквояж. Кожаный, светло-рыжего цвета. Потускневшие латунные застёжки и вытертые от частого употребления бока. С такими в начале двадцатого века ходили провинциальные врачи и авантюристы, претендующие на звание джентльмена.

– Амир, ваш муэдзин все-таки – порядочная скотина, – спокойно заметил незнакомец. – Он так вопит, словно никогда не слышал о наставлениях Биляля ибн Рабаха¹.

– Кто ты тако... – начал было хозяин, но пришелец не обратил на это никакого внимания и спокойно продолжил говорить:

– Жаль, что он не видит разницы между настоящим азаном и криком. Иначе бы давно понял одну простую вещь. Если бы воплем можно было разбудить совесть мусульманина, то самым лучшим муэдзином был бы простой лопухий ишак.

– Кто ты? – повторил свой вопрос старик.

– Это не важно. – Незнакомец лениво махнул рукой и кивнул на саквояж: – Вот твои деньги, амир. Двести тысяч экю. Где наш пленник?

Он говорил спокойно и неторопливо. На хорошем арабском языке. Чисто, но с каким-то странным акцентом. Короткими, тяжелыми фразами. Будто не говорил, а отливал слова из расплавленного серебра.

Хозяин нервно дернул щекой, прищурился и еще раз посмотрел на саквояж. Его левая рука незаметно скользнула под подушку, но гость заметил. Заметил и усмехнулся. Улыбка, похожая на волчий оскал, коснулась его губ, но взгляд остался холодным. Темные глаза – как два оружейных ствола, готовых огрызнуться пулей. Предупреждая ненужные действия, незнакомец еще раз качнул рукой и поднял повыше пистолет.

– Не надо делать глупостей, амир. Ты ведь, слава аллаху, не вечный. Зачем тебе лишняя дырка во лбу? Тем более что твоей игрушки там уже нет. Как и охранников у дверей твоего дома, – усмехнулся гость. – Не переживай, они живы. В целости и сохранности. Пройдет немного времени – и очнутся. Разве что головы будут немного болеть.

– Я тебя...

– Ты опять меня не слышишь, амир, – с сожалением в голосе повторил незнакомец. – А все почему? Потому что ты забыл про три завязанных шайтаном узелка. Иначе бы не валялся в кровати, а встретил рассвет с молитвою и с душой, переполненной радостью.

– Их здесь нет.

– Это плохо, – покачал головой незнакомец, и улыбка слетела с его лица. – Где они?

– К югу отсюда. У надежных людей.

– Жаль, что мы плохо поговорили. Очень... очень жаль. Можешь не провожать.

Гость встал и аккуратно подвинул стул к стене, украшенной богатым текинским ковром. На нем висело несколько старинных шашек и два кавказских кинжала, украшенных серебром. Он посмотрел на лежащего мужчину и сухо обронил:

– Мы ждем еще три дня. Потом – ты уж не обижайся, амир, – но умирать будешь долго и очень мучительно. Ты и все твои близкие. И похоронят тебя, паскуду, завернутым в грязную свиную шкуру. Как знал, что может пригодиться. Специально приготовил.

С этими словами незванный гость подхватил саквояж и открыл дверь...

Конец восьмидесятих годов Западная Европа

¹ Биляль ибн Рабах – один из самых известных сподвижников пророка Мухаммеда. Первый муэдзин. – *Здесь и далее примеч. авт.*

Утреннее солнце дразнило. Оно предательски проскользнуло в щель между занавесками и осветило мою холостяцкую берлогу. Еще немного – и луч света доберется до подушки. Будильник, стоящий на прикроватной тумбочке, зашелестел шестеренками, собираясь выдать звонкую порцию звуков, но я успел хлопнуть его по большой медной кнопке. Когда-нибудь я его выброшу. Или отправлю в открытое окно. Или в стену. Со всего размаха. Этот большой будильник достался мне от предыдущего постояльца. Своим заполошным звоном он мог поднять и покойника. Думаю, что его прежний хозяин был счастлив, когда «забыл» это извращенное творение часовщиков.

– Доброе утро, маленькая моя... – Я не вижу лица, но чувствую, как изменилось дыхание моей проснувшейся подружки. Как у разбуженной кошки. Сейчас она что-нибудь нежно промурлычет, поцелует меня в шею и пойдет в ванную. И будет долго плескаться под душем, напевая смутно знакомую мне мелодию. Она поет ее каждый раз, когда ночует у меня, но я никак не могу вспомнить название этой песни.

– Боже, как мне не хочется вставать... – Она садится на кровати и потягивается. И все это с закрытыми глазами. Еще не проснулась.

В конце концов она показала мне свои хитрые зеленые глаза, посмотрела на часы и нехотя поднялась. Еще раз потянулась. У нее красивое тело, и она это знает. Она любит его демонстрировать. И знает, что мне это нравится.

Солнце скользнуло по ее загорелой коже, и Хельга довольно улыбнулась. Потом показала мне язык и ушла в душ. Мол, даже не думай приставать! Или наоборот – попробуй не приставать? Кто знает, что у женщин на уме... Подчас они и сами этого не понимают. Куда уж нам, грешным... Поэтому мне остается лишь проводить ее взглядом и довольно хмыкнуть. Нет, конечно, можно нарушить этот привычный ритуал и присоединиться к ней. Поначалу она будет возмущаться. До первого поцелуя. В ложбинку, между лопаток. Потом... Эх, дьявольщина... В итоге из душа мы опять переберемся в постель, и я опоздаю на дежурство. Сегодня это нежелательно.

Пока она умывается, я иду на кухню. Точнее – закуток, который так называется. Делаю кофе. При всех достоинствах моей светловолосой подружки, варить кофе она не умеет. Потом мы меняемся местами. Я иду в душ, а она хлопает дверцами холодильника и готовит мне завтрак. Просто семейная идиллия, а не утро...

– Спасибо. – Я целую ее в шею и получаю шлепок по пальцам.

– Даже не думай!

– Как бы не так, – бурчу я и провожу руками по ее бедрам.

Хельга пытается возмущаться и перебирается на другой конец стола. Подальше от моих рук. Правда, смотреть на нее никто не запрещает, и я с большим удовольствием рассматриваю ее стройные ножки, обтянутые темными чулками со стрелкой. Строгая черная юбка, белая блузка и деловой пиджачок. Черт побери! Прав был старик Сесиль Сен-Лоран: «Женщина без чулок, как роза без запаха. Что же тогда сказать о женщине, которая носит чулки со швом? Ничего, так как слов будет недостаточно!»

– Карим, даже думать не смей! – Она перехватывает мой взгляд и знает, чем это может закончиться.

В конце концов, я устраиваюсь с сигаретой и чашкой кофе у открытого окна. Хельга почти не курит и не любит курящих. И своему мужу, насколько мне известно, дома курить запрещает. И как только она терпит мою прокуренную берлогу – ума не приложу...

– Сегодня я не приеду, – сообщает она, осторожно намазывая гренки вишневым джемом.

– Жаль.

– Мне тоже.

Про то, что мы увидимся только через три дня, я знаю со вчерашнего вечера. Она придет в гости, когда муж уедет куда-то в Баварию или Бельгию. На очередной съезд рвачей... пардон –

врачей. Хотя мне-то какая разница? Бьюсь об заклад, что своих медсестер он трахает чаще, чем свою жену. Так что – через три дня, и ни днем раньше. Она сообщает мне эту информацию с таким видом, будто это очередной прогноз погоды, но я просто обязан что-то ответить. Что-то похожее на: «Да, дорогая, лето в этом году холодное. Возьми зонтик, дорогая. Не задерживайся, дорогая». Вместо этого я недовольно хмыкаю и продолжаю рассматривать ее ножки.

Да, вот такой я аморальный тип. Сплю с чужой женой. Какой кошмар, да? Если честно, то ваш праведный гнев меня не сильно печалит. Если собрать все мои грехи, то этот будет самым маленьким. И одним из самым приятных.

Еще через полчаса мы заканчиваем завтрак. Пока я одеваюсь, она вертится перед зеркалом и поправляет чулок. Поймав мой взгляд, делает грозное лицо. Хм... Ваше счастье, фрау Хельга, что мне надо на работу. Иначе грозное лицо, с этими лукавыми чертами во взгляде, послужило бы хорошим поводом вас раздеть.

Хельга замечает мой висящий на спинке стула бронежилет, и по ее лицу пробегает тень. Она не любит мою работу. Увы, мадам, но это не обсуждается. Каждый занимается тем, что умеет. Ваш муж умеет резать и служит в большой и шикарной клинике. Я тоже умею резать людей, но мои «операции» стоят гораздо дешевле, и они вредны для человеческого организма.

Мы выходим из дверей моей квартиры и спускаемся вниз. Стук ее высоких каблучков звонко разносится по подъезду. Она быстро целует меня в щеку и убегает. Даже не целует, а легко прикасается к моей щеке. Чтобы не смазать помаду. Мне достаются только терпкий аромат ее духов и энергичная дробь шагов. Привлеченная этими бодрими звуками, из каморки, расположенной рядом с входной дверью, выходит женщина.

– Доброе утро, герр Шайя. Вам письмо! – Белобрысая консьержка с водянистыми как у рыбы глазами протягивает мне конверт. С таким удивленным видом, что можно подумать, будто я читать не умею. И читать не умею, и сам факт получения письма – это не что иное, как восьмое чудо света. Или девятое? Сколько их там всего, этих чудес? Семь? Пусть будет семь, я не против. При этом консьержка успевает проводить взглядом машину Хельги, выезжающую со двора, и презрительно сморщиться. Тоже мне, святоша...

– Доброе утро, фрау Шнитке.

– Фройляйн Шнитке, – поправляет она, и ее губы, и без того узкие, плотно сжимаются, превращаясь в белесый шрам, рассекающий вечно недовольную маску. Даже не маску, а кусок бледного теста, по недоразумению природы обладающего скверным характером и умеющего говорить. От нее пахнет нафталином и еще чем-то неуловимым. Вроде пыльных и засушенных цветов.

– Да, да, конечно, – киваю я, и усмехнувшись, выхожу на улицу, – обязательно.

– Удачного дня. – Сухой голос впивается мне в спину гневным шипением. Голос, полный осуждения и яда. Так и слышу ее внутренний шепот: «Чтобы ты сдох, развратник!»

Я выхожу на улицу и неторопливо закуриваю. Через дорогу мне приветливо машет знакомый лавочник. Он уже открыл свой овощной магазинчик и теперь пытается пристроить рекламный щит на узком тротуаре, чтобы его не снесли спешащие прохожие. Вслед за мной на крыльцо выползает и фройляйн Шнитке. С метелкой. Она подметает ступеньки с такой яростью, будто вместе с пылью хочет избавиться от постояльца по имени Карим Шайя. Как бы не так! Чтобы не мешать, спускаюсь на тротуар. Моего напарника еще не видно, и я с интересом кручу в руках письмо. Это что за новости?! «Paul Nardine, San Antonio, TX 78210-3966, USA». И какого дьявола Поль туда забрался? Нет, Медведь всегда был непоседой, этого у него не отнимешь, но что он в Америке-то забыл?

Почитать, к сожалению, не удалось. Подъехал напарник. Его черный BMW еще блестит каплями воды после утренней мойки. Этот парень – известный чистюля, и машина блестит как у кота яйца. Письмо пришлось убрать в карман куртки, и мы отправились в сторону грузового порта Гамбурга.

Пока ехали, успели обсудить политические новости. Коллега сообщил, что осенью этого года, а точнее – в октябре, Гельмут Коль отправится в Москву. Не знаю, чему он радуется. Возможному объединению Западной и Восточной Германии? Спорный вопрос, но я послушно киваю. Это проблемы будущего...

Домой я попал только на следующее утро. Вчерашний день был жутко хлопотным. У моего шефа есть ужасная привычка, которую я терпеть не могу. Если что-то идет не по плану, то разбираться с этим приходится мне. Как правило, это не самые приятные дела. Если быть точным, то в этот раз мне опять не повезло. Заболел телохранитель его жены, и пришлось заменить это вечно жующее создание. Кстати, я просто уверен, что парень здоров как бык. Просто он решил отдохнуть от этой жирной скотины, а шеф недолго думая сбросил свою благоверную на меня. У нас с его женой стойкая и обоюдная антипатия. Шеф это знает, и думаю – только рад. По крайней мере, он может быть спокоен за свою блестящую лысину – рогов там не появится. Он бы с радостью отправил меня на эту должность навечно, но этот вариант мы уже проходили. Когда меня в очередной раз попытались превратить в грузчика, навьючив пакетами из магазинов, я объяснил разницу между телохранителем и курьером. Помню, она тогда жутко разозлилась. Выла как минометная мина! И гораздо дольше. У этой вздорной бабы есть мания. Она живет покупками и походами по магазинам. Это цель и смысл всей ее жизни. Альфа и омега существования. Все эти тряпки, наряды... Господи, прости меня, грешного. Иногда мне хочется пристрелить эту сучку. Пристрелить, и получить премию от шефа. Я так и вижу эту картину. Плачущий шеф смахивает скупую мужскую слезу и незаметно сует в мой карман пухлый конверт с деньгами. При этом он закрывает лицо платком, чтобы спрятать свою жутко счастливую физиономию. Да, думаю, что он будет рад избавиться от этой горгоны Медузы. Если бы не ее отец – чиновник из бундестага, – шеф и сам давно бы развелся. По крайней мере, когда он напивается, только эта мысль его и занимает. Иногда, если супруга достает его придирками, он напивается прямо у себя в кабинете. Потом в кирпичную стену, украшенную фотографиями этой фурии, летят бокалы и пустые бутылки, сопровождаемые звериным рыком: «Убил бы суку!!!» Увы, но все это остается лишь в мечтах. Для него этот вариант чреват большими финансовыми потерями. Если не сказать больше. Поэтому: молчим и терпим, терпим и молчим. В итоге – весь день я сопровождал эту фрау, а затем отправился в порт, где и застрял до утра. Разбирался с проблемами контрабанды в порту.

Извините, я забыл представиться! Меня зовут Карим Шайя. Мне тридцать два года. Рост – метр семьдесят пять, вес – восемьдесят три килограмма. Глаза карие. Стригусь очень коротко. Что еще? Если вы – докторша, и вас интересуют все остальное, то на теле найдется несколько шрамов. Плюс к этому – две контузии. С последней вышло не очень хорошо, и слух иногда подводит. Какие-то странные приступы глухоты на левое ухо. Наш доктор утверждает, что со временем это пройдет. Хотелось бы ему верить...

Уже прошло два года, как я ушел из французского Иностранного легиона. Только не спрашивайте, почему я ушел, хорошо? Были причины. Мне вспоминать неохота, а вам это и вовсе без надобности. Родился и вырос в Париже. Все мои предки, а точнее – отец и дед, служили в Легионе. Это настолько вошло в нашу семью, что другой дороги у меня просто не было. Мои предки – из Алжира, и да – я мусульманин. Если честно, вопрос веры мне никогда не был важен. Ислам в нашей семье – это как аляпистая фруктовая вазочка, стоящая на подсервантнике. Вся ее ценность – в том, что куплена одним из ваших уважаемых предков. Выбросить жалко, а хранить глупо. С религией – то же самое. Семья у нас небольшая. Я самый старший. Кроме меня есть еще два брата и сестра. Братьям двадцать и двадцать два. Сестренке тринадцать лет, и она у нас любимица. С нее сдувают пылинки и хранят как зеницу ока. Жаль, но со своей семьей я вижу редко. Причины? Это старая история, и мне не хочется ее рассказывать. Если вам это так интересно, то скажу коротко: проблемы с родственниками. Такое

случается в любой семье. Бьюсь об заклад, что если покопаться в вашей памяти, то и у вас найдется дюжина таких историй...

Конец восьмидесятых годов

Западная Европа

После работы я позавтракал в уютном ресторанчике, который расположен неподалеку от моего дома. Позавтракал – и уже в полдень открыл дверь своей берлоги. Что тут рассказывать? Каждый из вас когда-нибудь снимал небольшую квартирку. Верно? Вот и я так говорю. Обычная холостяцкая берлога. Как пишут в объявлениях: «Прекрасное месторасположение. К вашим услугам: прачечная, магазин и бар. Неподалеку есть боулинг, кинотеатр и другие места для развлечений». Под словами «места для развлечений» надо понимать бордель, расположенный через два квартала. Идеальное место для холостяка. В общем – вы себе представляете, как выглядит мое жилище. Без лишней роскоши, но все аккуратно и на своем месте. Тихая зеленая улочка. Вежливые соседи. Я принял душ, потом сварил кофе и уселся в кресло, чтобы покурить и подумать. Ах да, письмо! Как же я про него забыл?

Поль Нардин, по прозвищу Медведь, – мой старинный армейский друг. Мы с ним знакомы, как говорится, сто лет. С ним и с Джузеппе Марино. На черно-белой фотографии, которая висит у меня на холодильнике, мы как раз втроем. Если не ошибаюсь, это где-то в Гвиане. Тысяча девятьсот восемьдесят второй год. Или восемьдесят третий? Уже и не вспомню.

Видите – вот этот улыбочивый парень с левой стороны? Да, это я. Собственной персоной. А вот этот здоровенный итальянец, – Джузеппе Марино. Мы иногда называли его Пеппино. Когда он был не в духе, то здорово на это злился. Помню, как-то заезжали в гости к его матушке. Втроем. Это было нечто удивительное. Его мама не могла нарадоваться. Нас приняли, как это говорится, а braccia aperte... дьявол, как это перевести? Вспомнил: с распростертыми объятиями. Вот так нас и встречали. Со всей улицы приходили толпы ее приятельниц, чтобы порадоваться на «малыша» Пеппино, прибывшего в родные пенаты. Джузеппе, как и подобает потомку древних римлян, стоически терпел все знаки внимания. Терпел даже тогда, когда эти горластые соседки пытались погладить его по головке, приговаривая: «Povero, povero ragazzo!» В ответ на эти стенания, наш «бедный, бедный мальчик», похожий на племенного бычка, принимал скорбный и послушный вид. Обещал одуматься и исправиться. Мы с Полем тихо угроляли, глядя на эту картину. Надо было видеть, как старина Джузеппе молитвенно складывал ладони, поднимал глаза к небу (помяная Божью Матерь не самыми хорошими словами). Вот он на фотографии. Да, вот этот крепыш, с пулеметом наперевес. Здоровый как буйвол. А вот этот, черноволосый, с хмурой физиономией – и есть тот самый сержант Поль Нардин.

– Так, что там у нашего Медведя? – Я разорвал конверт и вытащил довольно большое письмо. Три страницы. Странно. Для Нардина это слишком много. Он, как правило, сух и немногословен. Излагал только новости и факты, оставляя эмоции на совести собеседника.

Письмо перечитал два раза. Если бы сейчас за мной наблюдала наша белоглазая консьержка, то наверняка бы подумала, что я не только развратен, но и неграмотен. Потому что вид у меня был слегка ошарашенный. А новости, про которые писал Нардин, были не самые хорошие. Во-первых, погиб Джузеппе Марино. Погиб в какой-то американской дыре... как ее там? Сан-Антонио, да. Погиб на службе. Он был хорошим парнем. Поначалу я подумал, что тут дело нечисто и Полю нужна помощь. Мало ли... Может, он нашел ребят, которые виновны в гибели Пеппино, и надо произвести некоторые «расчеты» с местным населением. Все оказалось проще. Смерть Марино – это простая случайность. Увы, такое тоже случается. Дьявольщина, как же это глупо! Я даже кулаком грохнул по столу. От злости. Глупо! Выжить в таких переделках, что и вспомнить страшно, и погибнуть в какой-то техасской глуши!

Кроме этого, Нардин написал о работе. Вот здесь и начинались непонятные вещи. Как я понял, как раз перед своей гибелью Джузеппе успел пристроить Поля на работу. В охранную

контору. Что за работа и в чем она заключается, Поль не написал. Как понимаю, это не тот случай, когда информацию можно доверить бумаге и почтовой службе. Обрисовал сферу деятельности – так будет точнее. В общих и ничего не значащих фразах. Одна фраза меня очень удивила. «Все, что тебе расскажут работодатели, а именно Патрик Бэлл, это правда». Последнее слово было дважды подчеркнуто.

С одной стороны... предложение привлекательное. По словам Поля, это не просто хорошее жалованье, а «интересный шанс» и «привычная работа». Тут я немного не понял. Какой именно шанс? Свернуть себе шею? Мог бы и поподробнее написать. Или позвонить на крайний случай. Тоже мне, великий комбинатор. И про «привычную работу» подробнее написать. Если под этим словом он подразумевает какие-то военные действия, то при чем здесь Техас? Хоть бы континент, где эта работа намечается, упомянул, старый бродяга.

А через несколько дней все и решилось. Причем, как это часто бывает, без всякого участия с моей стороны. Шеф в очередной раз напился и начал ругаться. Досталось всем. И глупой секретарше, которая пришла в слишком длинной юбке, и этой «жирной визгливой короле» – жене, которая позвонила не вовремя. Еще как не вовремя – когда жена начала орать в телефонную трубку, наш шеф (аккуратно повесив пиджак на спинку кресла) уже собирался разложить на столе секретаршу. После ультразвука, вылетевшего из телефона, сексуальное желание сошло на нет, и начальник был зол как сто тысяч чертей.

Потом (после двух стаканов коньяку) стенания перешли в область политики, и весь свой гнев он обрушил на эту «старую сволочь», которая погубит весь мир. Под этим любезным обращением шеф понимал своего тестя. Как я уже говорил, это крупный чиновник из Бундестага. Не знаю, что он ему наплел во время последнего семейного ужина, но шеф рвал и метал. Все грозился, что объединение Германии выйдет боком, и этой «старой развалине» – в первую очередь. Потом, как обычно, в стену полетела бутылка. Разумеется, уже пустая. Кстати, перед уходом надо будет оставить записку секретарше, что в кабинете шефа надо опять убрать осколки и вставить новое стекло в разбитую рамку. Начальник, когда доходил до определенной кондиции, как правило, целился в большую семейную фотографию. Она висела посередине стены, и шеф, даже сильно пьяный, редко промахивался. В итоге его «семейное счастье» разлеталось вдребезги, а он засыпал прямо за столом. С блаженной улыбкой на лице и чувством выполненного долга.

Вот тут я задумался. Что бы эти боши ни говорили, но для Европы настанут тяжелые времена. Для этого не нужно быть пророком. Поезжайте в Париж и посмотрите, сколько там приезжих бездельников. Уже сейчас многие недовольны. А что будет через пять или десять лет? А через двадцать?!

Мои размышления прервал телефонный звонок. Неудовлетворенная секретарша уже ушла домой, поэтому я отложил в сторону журнал и снял трубку.

– Кто это говорит?!

– Карим Шайя. Я вас слушаю.

– Кто?!

– Фрау Вульф, это говорит Карим Шайя. Чем могу помочь?

– Почему мой муж не поднимает трубку?! Я уже полчаса не могу до него дозвониться!!!

Что у вас там происходит?! Этот жирный боров...

Дальше не слушал. Словарный запас нашей дорогой фрау Вульф – как бы помягче выразиться – несколько ограничен. Увольте это повторять! Все эти фразы и речевые обороты можно услышать в любом портовом кабаке. Если вам повезет и вы наткнетесь на пьяного боцмана, то будет очень похоже на нашу фрау Вульф. Даже внешне. Слушать это еще раз не хотелось. Я прикрыл ладонью телефонную трубку и посмотрел в сторону кабинета. Стена между приемной и кабинетом была стеклянной. «Этот жирный боров» – герр Вульф, сладко спал. Он положил голову на стол и храпел. С улыбкой на лице. Видимо, ему снилось свежее пиво, свиная рулька

с тушеной капустой и секретарша в эротическом белье. Как раз в таком, которое я видел в журнальной рекламе. Кстати, красивая вещица! Надо будет Хельге подарить. Она оценит.

– Почему вы молчите?!

– Я пытался связаться с вашим мужем...

– Кар...

– Фрау Вульф, у вашего мужа сейчас очень важное совещание. К нему прибыли господа из муниципалитета. Как только он освободится, я обязательно передам, что вы звонили.

Фрау Вульф прошипела что-то, связанное с нетрадиционным сексом, и отключилась. Я вернулся к статьям в журнале. Пройдет еще пара часиков, шеф проснется – и мы отвезем его домой. Не раньше. Если привезти его пьяным, то жена будет в бешенстве. В таком состоянии она может сделать все что угодно. Например? Может запустить в своего благоверного чем-нибудь тяжелым. В последний раз это была глиняная статуэтка, изображающая купидона. Увесистую фигурку я успел поймать, но она выскользнула у меня из рук и разбилась. Вы бы слышали, сколько было криков! Можно подумать, что она хотела (с помощью куска глины) поразить сердце своего мужа, а я, скотина эдакая, помешал их будущему счастью.

Вечером, когда Вульф проснулся, я отвез его домой. Хмурого и неудовлетворенного. На жирной щеке шефа отпечатались газетная передовица. Видимо, подложил свежую прессу вместо подушки. У ворот гаража стоял «мерседес» его жены. С разбитым левым крылом. Судя по царапинам на столбах, фрау плохо прицелилась и не попала с первого раза. После этого она решила не рисковать и оставила машину на тротуаре. Дома, как обычно, шефу закатили скандал, который не улучшил его настроения. Видимо, поэтому шеф пришел на работу хмурым и с изрядным синяком на правой скуле. Потом, долго не раздумывая, одним махом уволил трех сотрудников. Меня – за грубость при общении с его женой. Очаровательную (и безотказную как автомат Калашникова) секретаршу – за непрофессионализм. Водителя – за разбитую машину. Надо заметить, что машину разбил не водитель, а жена шефа. Но это уже мелочи. Ничего не стоящие мелочи.

И вот таким неожиданным образом я превратился в безработного. Нет, деньги у меня были, и голодная смерть не грозит. По крайней мере, ближайшие несколько лет. А что потом? Все-таки Поль Нардин прав. Надо ехать туда, где меня ждет «привычная работа». Это лучше, чем сидеть в грязном портовом офисе, листать журналы и выслушивать пьяные вопли шефа. По крайней мере, там будет веселее.

Через три дня ко мне приехала Хельга. Ночь любви, ставшая для нас чем-то привычным. Как доза для наркомана. Привычным, но не обыденным. Не путайте эти две вещи, господа. Привычка – это, как ни крути, что-то большее. Это уже часть твоей жизни. Тем более что мы каждый раз открывали нечто новое. В чувственности и в чувствах. Уже под утро, когда мы просто лежали и отдыхали, я рассказал про свой отъезд. Она внимательно слушала, водя пальчиком по моей шее, а потом неожиданно спросила:

– Карим, а ты надолго уезжаешь? – Голос у нее стал каким-то странным.

– Не знаю. Наверное, надолго.

– Знаешь... – начала говорить Хельга, но запнулась и замолчала.

– Что?

– Мне будет тебя не хватать. Странное чувство... какой-то необъяснимой потери. Никогда не думала, что буду говорить такие вещи любовнику. – Она отбросила в сторону простыню и села на кровати. Обхватила руками колени и замолчала. В сонных предзвездных сумерках Хельга выглядела одиноко. Будто маленькая девочка, заблудившаяся в лесу.

– Знаю, – кивнул я, – мне тоже будет тебя не хватать.

– Ничего ты не знаешь! – Она резко встала и пошла в ванную.

– Хельга!

– Иди ты к черту, Шайя! Видеть тебя не хочу!

Конец восьмидесятых годов

Исследовательский центр

Сан-Антонио, штат Техас

Нет, шутником Поль Нардин не был. Такими вещами не шутят. Этот, как его – Патрик Бэлл, тоже на циркача не тянет. Он больше похож на сильно испуганного менеджера. Чем испуганного? Не знаю. Может, предстоящим увольнением? Знаете, господа, что-то мне подсказывает, что в этой конторе увольняют тихо и незаметно. Без вечеринок, памятных подарков и «золотых парашютов». И вообще, если честно, мне здесь не нравится.

Патрик Бэлл, с которым я встретился, прибыв в Сан-Антонио, заливался соловьем. Начал издали и очень осторожно. Потом разошелся, расслабился и вот уже битый час расписывает мне красоты Нового мира.

Если не пересказывать все мелкие подробности, но следовать его рассказу, то в этой коробке из стекла и бетона, которая по недоразумению называется исследовательским центром, есть некий аппарат, способный забросить человека в новый и неизведанный мир. Эти белозубые мальчики в модных галстуках называют его Новым миром. А заодно вербуют парней, вроде меня и Поля, для защиты новой цивилизации. Точнее – для защиты ученых, исследующих дикие земли. Этот Новый мир был открыт около десяти лет назад, и за это время туда переселилось около четырехсот тысяч землян. Что это за место – планета в другой галактике или параллельный мир, Патрик и сам толком не знает. Единственное, что он сообщил со всей уверенностью, что дверь открывается только в одну сторону. Войти в Новый мир вы можете, а вот вернуться обратно – увы, не получится. Да, вот такая история. Согласен, это похоже на бред умалишенного. С другой стороны, письмо Поля лежало у меня в кармане, и его фраза «все, что тебе расскажут, это правда» давала определенную надежду.

Пока я размышлял, Патрик рассказывал про Новый мир. Там, видите ли, уже построили несколько городов, порт с белыми корабликами, устроили пляж и завезли девочек. Курорт! Климат – как в Испании. Нет, динозавров там нет. Видимо, не нашлось на складе, или музей естествознания был закрыт на реставрацию. В общем – не завезли. Дикое зверье присутствует. Да, стрелять можно. Бандиты есть. Да, стрелять их тоже можно и даже нужно. Черт побери! Я даже усмехнулся: не Новый мир, а Дикий Запад какой-то! Что? Деньги? Да, есть своя валюта. Экю. Равен двенадцати франкам.

Единственное, что меня слегка напрягло, так это односторонний переход. За время своей работы в порту Гамбурга я посмотрелся на разные вещи. Связанные и с контрабандой, и с прочими незаконными вещами. Торговлю живым товаром тоже видел. Приходилось. Нет, этого не может быть. Поль – не такой болван, чтобы дать разобрать себя на запчасти. Да и какие там запчасти из нашего мяса? Контуженные мозги? Разве что кто-то коллекционирует шкуры со шрамами...

– Как я понимаю, радиосвязь с Новым миром есть? – Я резко оборвал рассказ Патрика про жалованье и премии.

– Да, – кивнул он, – слабая, но есть.

– Значит, вы можете связаться с Полем?

– Да... – Он немного замялся. – Но вы же получили письмо?

– Это ничего не значит. Письмо можно подделать, – сухо заметил я. – В наши времена это не самое сложное, мистер Бэлл. Скажу больше – я не привык доверять людям. Поэтому хочу связаться с Полем и задать ему два простых вопроса. Когда получу ответы, то буду уверен, что Нардин жив и здоров.

– Если он в данный момент на Базе Ордена, то мы, конечно, постараемся...

– Видите ли, Патрик! – опять встрял я. – Сейчас у меня два желания. Первое – убедиться, что с моим другом все в порядке. Если это не так, то возникает второе желание – взять вас

за горло и вытрясти всю правду. Не надо смотреть на двери. Пока охранники ворвутся в этот кабинет, я успею сломать вам шею. Поэтому, – я перевернул неподписанный контракт и написал на обороте несколько фраз. – давайте обойдемся без глупостей. Вот вопросы – и я хочу получить четкие и внятные ответы. Все очень просто.

– Да, вы очень интересный человек, мистер Шайя. – Патрик дотронулся до узла галстука и осторожно пошевелил шеей. Словно хотел убедиться, что она еще не сломана. – Поль был прав.

«Не знаю, что тебе говорил Нардин, – подумал я, – но сейчас ты явно нервничаешь. Даже пот на лбу выступил».

Патрик посмотрел на меня, потом взял лист бумаги и прочитал вопросы. Первый: «Кто первым ступил на землю в Кольвези?» – не вызвал никаких эмоций. А вот после второго: «Где женился Джузеппе Марино?» – он удивленно дернул бровью.

– Разве покойный мистер Марино был дважды женат? Насколько мне известно, он вступил в брак, только прибыв в Америку. Это произошло здесь, в Сан-Антонио. Чтобы ответить на этот вопрос, вам не нужно отправлять радиogramму в Новый мир.

– Вот потому я и задаю этот вопрос Полю, а не вам. – Судя по реакции мистера Бэлла, он удивился. Понимаю: неприятно узнать, что досье на сотрудника, пусть и покойного, оказалось с маленькой неточностью.

– Хорошо. Думаю, что завтра ответы будут у нас.

– Вот завтра и продолжим. А я пока прогуляюсь по вашему городу.

Да, это на самом деле была проверка. Первый вопрос не вызвал удивления. Он был простым, но правильный ответ мог знать лишь тот, кто участвовал в этой операции. Ответ на второй вопрос – это обычная шутка о нашей молодости.

Потом я бродил по городу. Зашел в книжную лавку, посидел в небольшом кафе на набережной. Кстати, а меня пасли. Два каких-то придурка в мешковатых костюмах. Жалко парней. В такую жару ходить в костюме и с этой удавкой в виде галстука? Увольте меня от такого удовольствия. В общем, день прошел тихо и незаметно.

На следующее утро, когда я прибыл в офис компании, меня сразу проводили в кабинет к мистеру Бэлли. Правда, после нашего вчерашнего разговора в кабинете находился еще один человек. Патрик представил его как своего коллегу, но я, оценив ширину плеч «коллеги», только усмехнулся.

– Признаться, мистер Шайя, я несколько удивлен не только вашими вопросами, но и ответами мистера Нардина, – настороженно начал Патрик. – Что они обозначают? Объясните, будьте так любезны.

– Не раньше, чем увижу ответы.

– Да-да, конечно, – кивнул он и протянул полоску бумаги. На ней было четыре слова. «Капитан Поулет. Гвианский Бриндизи» Я усмехнулся и отложил бумагу в сторону. Все правильно, а это значит, что и с Медведем все в порядке. Увидел в глазах мистера Бэлла немой вопрос; пришлось ему рассказать эти две истории.

Все знают, что при знаменитой заварушке в Заире первым из самолета выпрыгнул полковник Эрюлен. Это вам скажет любой, кто хоть немного интересовался той операцией. На самом деле сразу за полковником десантировался и капитан Поулет. Он-то и ступил первым на землю Кольвези. По очень простой причине – парням пришлось использовать слабо знакомые парашюты. Американские Т-10. Наш полковник влетел в дерево и потерял сознание от удара. Его сняли уже после того, как вся первая волна десанта оказалась на земле. Этот факт скрыли, и полковник стал тем самым «бравым парнем», кто первым вступил в бой в Заире.

Про Джузеппе Марино – и того проще. Однажды наш Пеппино чуть было не женился в... Гвианском Бриндизи. Бриндизи – думаю, вы знаете – город на западном побережье Италии. Почему он стал Гвианским? Хм... Как-то мы приехали в Бриндизи. В отпуск. Молодые, глупые.

Кровь бурлит, как кипяток. Нам даже спиртного не требовалось – хватало куража и уверенности, что мы самые крутые парни во вселенной. Как и полагается, сильно загуляли. Марино познакомился с какой-то аппетитной дамочкой, из числа бесчисленных туристов, бродящих по земле Италии. Как сейчас помню – Пеппино воспылал такой горячей любовью, что хоть сигареты от него прикуривай. Он бы и женился! Девушка, кстати, была не против. Такой роман был! Мы с Медведем рыдали от умиления, когда Пеппино возвращался в гостиницу под утро, горланя любовные песни. Они даже дату свадьбы запланировали. Правда, за несколько недель до этого события дамочка познакомила Пеппино со своим престарелым папенькой – старик отдыхал неподалеку и решил повидаться с дочерью. И тут, прошу любить и жаловать – сам Джузеппе Марино! Капрал Второго парашютно-десантного полка, во всей красе легионера в отпуске. Тот еще красавец! Глаз украшен синяком, а разбитая губа похожа на пирожок с повидлом (за день до этого мы нарвались на компанию американских морских пехотинцев и что-то с ними не поделили). Папеньку, когда он узнал про выбор своей дочери, чуть удар не хватил. Мало того – этот бодрый старичок оказался не кем иным, как одним из заместителей министра обороны Франции! Правда, в отставке, но это ему не помешало испортить нам праздник. Он сделал несколько звонков – и нас (всех троих) по-быстрому отозвали из отпуска и отправили в «очень важную» командировку. Все для блага Франции! Вперед, господа! Родина вас не забудет! В общем, валите, парни, с глаз долой – из сердца вон. От девок и греха подальше. Так мы и просидели в гвианской сельве все «свадебные торжества». Когда вернулись, дамочка уже пришла в себя и выходить замуж за легионера отказалась. С тех пор у нас появилась шутка про свадьбу в Гвианском Бриндизи.

После подписания всех необходимых документов Патрик Бэлл проводил меня на медосмотр. Плоская как доска медсестра взяла кровь и, покраснев, ушла делать анализы. И чего было краснеть? Ну нет у тебя бюста, красавица, что уж тут поделаешь? Это жизнь. Всякое может случиться. Говорят, что женский бюст увеличивается от хорошего массажа. Хотел ей сказать, но вовремя одумался. Казарменный юмор здесь не поймут. Зачем мне лишние проблемы?

Потом мы решили финансовый вопрос. Жалованье и правда приличное. Мне предложили девятьсот пятьдесят экю. Выплачивается каждые две недели, на банковский счет Ордена. Предложили решить проблему с моими банковскими сбережениями, но в этом не было необходимости. Все мои деньги – со мной. Это тридцать тысяч франков, превратившиеся в две с половиной тысячи экю и двадцать золотых монет достоинством в один крюгерранд. Я не стал их менять на новоземельную валюту. Тем более что эту самую валюту можно увидеть только там – в Новом мире. Поживем – увидим. Золото – всегда золото. Эти монеты, если можно так сказать – остатки былой роскоши и память о последней афере в Африке. Нет, это никак не связано с Иностранном легионом. Это было уже после моей отставки. Перед отъездом в Америку я заехал в Париж, чтобы встретиться со своей сестренкой и братьями. Отдал им ключ от своей банковской ячейки, где лежат еще шестьдесят золотых монет. Они молодые, и деньги им пригодятся. И старикам помогут, если что.

Закончив все формальности, Патрик Бэлл поднялся и торжественно пожал мне руку. Сказал, что был рад («Очень! Очень рад!») со мной познакомиться и надеется, что Новый мир послужит тем самым шансом, который «приведет меня к процветанию, новым идеалам и хорошей жизни». Если честно, то я и раньше на свою жизнь не жаловался, но так и быть. Кто знает: может, ему со стороны виднее?

Немного позже меня проводили в арсенал, где я познакомился с его хранителем. Мужчина лет сорока с небольшим. Невысокий, плотного телосложения. Седоватый. На его рабочем столе, рядом с телефонным аппаратом, лежит широкополая шляпа. Еще один техасский ковбой?

– Майкл, – кивнул мне оружейник и, прищурившись, посмотрел на меня. Внимательно и цепко. Несколько секунд разглядывал, потом хмыкнул и кивнул еще раз: – Майкл Беннет.

– Карим, – я сделал небольшую паузу, – Карим Шайя.

Оружейник не выдержал и расхохотался. Хохотал так, что в оружейку заглянул один из охранников, дежуривших в коридоре. Кстати, этот исследовательский центр охраняют очень серьезно. В коридорах висят видеокамеры. На каждом этаже, рядом с дверьми лифта, пост из двух охранников. Вооружены не только пистолетами, но и дробовиками. И взгляды этих парней – очень настороженные.

Конец восьмидесятых годов

Исследовательский центр

Сан-Антонио, штат Техас

После обмена любезностями Майкл, ни о чем меня не спрашивая, ушел куда-то в глубину оружейной комнаты. Через несколько минут он вернулся с увесистым брезентовым свертком. Развернул и выложил на стол советский АКМН. Новенький, еще в масле. Тускло блеснула черная вороненая сталь. Рядом с ним положил подствольный гранатомет Г-25 и пластиковый пакет с запасными магазинами для автомата. Прихлопнул пакет своей широкой ладонью и уточнил:

– Десять штук.

– Вы угадали, – улыбнулся я, – это именно то, что мне нужно.

– Что-нибудь еще? – Оружейник довольно хмыкнул.

– Для полного счастья? Пистолет Стечкина. Найдется такая игрушка в коллекции?

Майкл что-то невнятно и слегка обиженно буркнул, потом заглянул в свой пухлый журнал. Пролистал несколько страниц, еще раз буркнул и ушел. В этот раз ходил гораздо дольше. Вернулся с пистолетом в бакелитовой кобуре и брезентовым подсумком с магазинами.

– Ваш эй-пи-эс, сэр!

То, что я отказался от дальнейшего выбора, его несколько удивило.

– Ваш друг взял и снайперскую винтовку, – проворчал Майкл Беннет. Видимо, его слегка покорило, что я не стал набирать оружия под завязку. Как бы не так! Будь моя воля, я бы весь арсенал вынес, но эти жмоты выдают охранникам по два ствола на душу и требуют деньги за остальное. Увольте, но платить за лишнее железо не собираюсь. Будет день – будут и трофеи.

– И что же он выбрал? – поинтересовался я.

– Мистер Поль взял автомат, американский пистолет и американскую винтовку. – Майкл, сам того не желая, выделил слово «американский». Надавил на патриотизм, которого у меня отродясь не было и быть не могло.

– Господь с вами, мистер Беннет! Поль – хороший стрелок, а я... так, погулять вышел. Мне будет достаточно и того, что выбрал, – отмахнулся я и разобрал полученный автомат. – Если Поль уже на месте, то и снаряжение как-нибудь подберем. На крайний случай, отберем у плохих мальчиков. Думаю, что там найдется несколько таких, которые переходят улицу в неполюженном месте и ругаются неприличными словами?

– Думаю, что вы правы, – Беннет слегка нахмурился и задумчиво провел рукой по гладко выбритой щеке, – и вы сами в этом убедитесь. Поверьте, мистер Шайя, скучать не придется. Железа и разных оборванцев там в избытке! Да, сэр. И не только там...

– Значит, и трофеи будут, – подвел итог я и щелкнул предохранителем. – Если вы никуда не торопитесь, то еще два вопроса.

– Конечно, сэр!

– Патроны? И где можно пристрелять оружие?

– Извините, но это только на стрельбище. Завтра утром, в девять часов. Вас устроит?

– Вполне.

Интересно, что это за оговорка? Не только там... Это как понимать? Плохие мальчики добрались до Америки? Или они уже здесь, в Техасе? И что они будут делать в этом, прости господи, Сан-Антонио? Здесь даже приличного борделя и то нет. Вымрут от скуки эти горе-завоеватели, как динозавры. Те самые, которых так не хватает в Новом мире.

В городе было несколько охотничьих магазинов, но бродить по всем подряд не хотелось. Не люблю я ходить по магазинам. Обрисовал проблему Майклу Беннету, и он порекомендовал два из них. Мне повезло, и все необходимое купил в первом.

Для вещей взял два рюкзака и баул. Большой «лагерный» и сорокалитровую «трехдневку» для коротких маршрутов. Из одежды практически ничего не купил. Несколько пар джинсов, рубашки. Два комплекта американской армейской формы старого образца. Три пары обуви, на все случаи жизни. Набедренную кобуру для «стечкина», дюжину нижнего белья, дюжину футболок и бытовые мелочи, вроде бритвенных станков, презервативов и зубных щеток. Кроме всего этого, купил хорошую разгрузку и несколько ножей. Уже уходя из магазина взял небольшой топор. Хорошая вещь. Нужная в хозяйстве. Вдруг голову кому-нибудь придется отрубить, а у меня топора нет... Непорядок.

Форму мне выдали в Ордене. Камуфляж «шоколадный чип», песчаной расцветки, для жаркого климата. Две пары ботинок (высокие легкие берцы), несколько шейных платков и форменная панамы. Нашивки, документы и патроны, как мне объяснил Патрик, получу по ту сторону «ленточки».

Весь следующий день я провел на стрельбище. Вместе с Майклом Беннетом. Сначала мы пристреляли мое оружие, потом опробовали арсенал оружейника. Я полагаю, что он его специально притащил, чтобы указать на мою «ошибку» при выборе оружия. Ничего показать не получилось, и мы с удовольствием жгли патроны, расстреливая все мишени в пределах пяти-сот метров. Если подбить итоги моего пребывания в Америке, то стрельбище – это единственное место, которое пришлось мне по душе. Когда мы закончили, я достал упаковку пива, купленную утром, и мы дружно ее уничтожили, коротая время за чисткой оружия. Когда выпили половину пива и вычистили два пистолета, я спросил:

– Майкл, скажи мне одну вещь. Какого черта парни из вашей конторы такие нервные?

– Вы так полагаете, сэр?

– Куда тут полагать? Я вижу. Патрик на месте не усидит. Вертится на стуле, как грешник на сковородке. И постоянно прислушивается к шагам, доносящимся из коридора. Знаешь, так ведут себя преступники, которые сидят и ждут смертной казни. Понимаешь, о чем я говорю?

– Да, мистер Карим, – кивнул он. Потом отложил свой пистолет в сторону и вздохнул.

– Что здесь происходит, Майкл? Ты пойми, я ведь не просто так спрашиваю. С меня как с гуся вода. Сейчас я здесь, а через полчаса меня хрен поймает. Просто там, за «ленточкой» – мой друг. Думаю, если надвигается что-то нехорошее, то мы должны это знать.

– Если честно, мистер Шайя, то я и сам ничего не понимаю, – он тяжело вздохнул, – но скажу честно: ничего хорошего не ожидаю.

– То есть ты признаешь, что не все так гладко, как рассказывает Патрик?

– Нет, с Новым миром он вам не соврал. Этот мир существует. Но в Ордене последнее время происходит что-то нехорошее. Знаете, все эти игры и перестановки мне не нравятся. Скажу больше – я думаю, что всем нам пора туда перебираться.

– В Новый мир?

– Да, сэр. Там дикая планета, но нам к таким вещам не привыкать. Думаю, что там будет спокойнее, чем здесь. Опаснее, но спокойнее. Понимаете, что я имею в виду, сэр?

– Полагаю, что да.

– Вот такие дела, сэр, – подвел итог Майкл и осторожно поставил пивную банку на стол.

Через несколько дней я закончил все дела и был готов к отправке. Вещи из гостиницы привез на такси. Подождал немного в фойе, а потом меня проводили в цокольный этаж, где

я встретился с одним из операторов «шайтан-машины». Не помню, как его звали. Кажется, Густав. Молодой парень, похожий на чудом уцелевшего хиппи из шестидесятых. По крайней мере, внешний вид соответствовал. Какие-то порванные джинсы, кеды с вечно развязанными шнурками и майка с легкомысленной надписью. Легкая небритость и всклоченные волосы, в комплекте с шалыми глазами, ничего хорошего не обещали. Именно такие люди способны взорвать половину мира, а потом стоять столбом и вяло оправдываться, что оно как-то само так получилось... нечаянно...

На удивление, мир не взорвался, и оправдываться ему не пришлось. Он махнул рукой, показывая на небольшую тележку для вещей. Чтобы не таскать тяжесть в руках. Хотя... если подумать, у меня и вещей не так много. Два рюкзака, баул и брезентовая оружейная сумка с «железом». Да, забыл: еще небольшой пакет из магазина. Там булькали три бутылки коньяка. Если в ближайшие несколько минут меня не превратят в молекулы, то нам с Полем будет с чем посидеть и выпить. Как же без этого?

Когда увидел эту «шайтан-машину», а точнее – «шлюз», то рот открыл от удивления. Нет, я изредка читаю фантастические книжки, и с воображением у меня все в порядке. Но черт меня побери! Какая-то железная рама, размером два на два метра, с датчиками по периметру, и тележка с желтыми креслами. Если эта дрезина способна переместить меня в Новый мир, то я – папа римский.

Видимо, мое удивление не ускользнуло от Густава. Он криво усмехнулся, потом довольно хмыкнул и сунул руки в карманы.

– Что, не нравится?

– Скажи мне, парень, – вкрадчиво начал я. – я понимаю, что железо дорожает, а эту тачку вы попросту увели из железнодорожного музея, но... она и правда может? Ну, ты меня понимаешь...

– Может, мистер Шайя! Даже не сомневайтесь!

– Спасибо тебе, сынок. Ты меня так успокоил, так успокоил... Еще несколько минут – и до Поля доедет на одну бутылку меньше.

– Вы не переживайте, сэр! – Этот малолетний придур... гений улыбнулся и показал мне на небольшую комнату. – Там есть небольшой бар. Сумки оставьте здесь, для досмотра.

– Для какого досмотра?

– Таможенного, – усмехнулся он. – Новый мир берегут как зеницу ока. Сейчас я пойду настраивать аппаратуру, чтобы не было неприятностей, а вы подождите в этой комнате. Я позову, когда будет готово.

– Неприятностей, говоришь? Да, ничего не скажешь, ты умеешь успокаивать!

Оставив сумки на столе, я зашел в комнату ожидания. Нет, надписей на стене, в стиле «Выпустите меня отсюда!» не увидел. Это немного успокоило. Открыл бар, налил на два пальца бренди и залпом выпил. Подумал, что этого будет мало для такой дальней поездки, и добавил еще немного. Бренди упало тяжелым камнем в желудок и отозвалось живым теплом. Да, так будет лучше...

Через двадцать минут в операторскую зашел Густав.

– Мистер Шайя, вы готовы?

– А как ты думаешь?

– Тогда идем. Кстати, – он подал мне большой бумажный конверт, – здесь документы. Передадите их на той стороне, в миграционную службу.

Мы вышли из комнаты, спустились по железным ступенькам в зал и подошли к этой тележке. Мои сумки были уже здесь. Их уложили на корму, где из железных труб сварено нечто похожее на багажную платформу.

– Вот видите эти лампочки? – Густав показал мне светофор, висящий на раме (судя по всему, тоже украденный из музея). – Сейчас там горит красная. Затем включится желтая: зна-

чит, все хорошо, и связь с Новым миром установлена. Когда загорится зеленая, вместо рамы появится зеркало, и тележка начнет движение. Да, это немного неприятно, когда видишь, что твое тело уходит в зазеркалье. Придется немного потерпеть. Когда начнете погружаться, задержите дыхание – и все будет хорошо! Поняли?

– Чего же тут непонятного? Поехали...

Десять лет спустя

Виго, Новый мир

Скажу честно – иногда мне бывает тяжело. Что-то изменилось в моей жизни, когда я переступил сорокалетний рубеж. Особенно когда снятся наши ребята из десятой поисковой партии. И я вижу их живыми. Джека Чамберса, Андрея Никоненко и Сашку Козина. Эндрю Пратта и Билла Тернера. Джерри Стаута. Настю Федорову и Лену Куликову. Сон куда-то улетучивается, а на душе становится пусто и гадко.

Увы, но уже ничего не изменишь. И вот десять лет спустя я просыпаюсь в небольшой двухэтажной квартире. В открытое окно доносятся шум прибоя и пестрая разноголосица базара. Я принимаю душ и шлепаю босиком на кухню. Завтракать и пить кофе.

На втором этаже три комнаты, ванная и кухня. Точнее? Две спальни и гостиная, соединенная с кухней. Ванная, туалет и коридор, ведущий на лестницу первого этажа. Внизу три помещения. Лавка, мастерская и небольшая подсобка, где хранятся ящики с товаром.

Не бойтесь! Ничего страшного не случилось!

Этот упитанный здоровяк, заглянувший на кухню, – мой старый приятель. Да, именно он. С мощными лапами и ушами с кисточками. Да, это настоящая рысь. Нет, не дикое животное. Да, у него лапы с когтями и приличные клыки, но он не кусается. Знакомьтесь – его зовут Рино. Не знаю, как сюда попали его предки, но этого мохнатого мерзавца мы выбрали совершенно случайно. Лет десять тому назад, неподалеку от Порто-Франко. С ребятами из нашей поисковой партии поехали в саванну, чтобы пострелять по банкам, и вот, наткнулись на этого обормота. Тогда Рино был безмянным рысенком. Сейчас он уже матерый и заслуженный ветеран. Если бы он умел разговаривать, то мог бы рассказать много интересного. Как ни крути, но этот коврик с ушами был в экспедиции с самим Джеком Чамберсом!

Да, в той самой, когда Джек погиб. При осаде Аламо, вместе со своей группой. Из всей поисковой партии выжили только трое. Я, Поль Нардин и вот это ушастое создание. Жаль, Джек был хорошим мужиком. Настоящим. Как говорил один знакомый старик: «Таких людей уже не делают, и секрет их изготовления утерян». Увы, но это правда. Все чаще встречаются слабые и бесхребетные людишки. А может, я и не прав... Как думаешь, Рино?

Видите, он поднимает на меня свои глаза и что-то урчит. Ей-богу, как столетний старик. Судите сами: если перевести его возраст на человеческий, то ему уже под шестьдесят. И несмотря на все мои усилия и заботу, лапы у него болят все чаще, а бегаёт он все меньше. Но дом, как и в старые времена, охраняет со всем рвением. Ему достаточно показать клыки, чтобы у докучливых посетителей пропало желание задерживаться дольше положенного. Иногда мне кажется, что ему доставляет удовольствие пугать моих посетителей. Я совершенно серьезно.

У Рино в моей мастерской есть личное место. Огромная коряга, а если сказать точнее, то целое дерево. Оно очищено от коры и надежно закреплено в одном из углов. Большое – до самого потолка. И вот представьте себе – рысь лежит на вершине этой коряги. Совершенно неподвижно. Войдя в помещение, посетитель начинает рассматривать это «чучело», а Рино неожиданно поднимает голову и показывает клыки. Шок обеспечен. Клиент – в ужасе, а этот паршивец довольно зевает и потягивается. Мне иногда кажется, что он еще и ухмыляется.

С возрастом в его движениях появились вальяжность и неторопливость. Вы, может, и не поверите, но этого мохнатого обормота знает каждый житель Виго. От мала до велика. Он вроде местной достопримечательности. Удивительно, но к старости Рино изменил прежним

привычкам. Раньше он предпочитал ветчину, а сейчас с удовольствием ест рыбу. Причем не какую-нибудь, а отборную. Свежее, только что доставленное рыбаками филе. Естественно, без костей. Предложенный рыбий хвост или голову воспринимает как личное оскорбление. Недовольно фыркает и отворачивается. Может и клыки показать.

Каждое утро, после утренней чашки кофе, мы с ним прогуливаемся вдоль набережной. От табачной лавки Сьюзи Лермант, вдоль рыбного базара и до ворот портового терминала. Кстати, лет десять тому назад здесь взорвали машину одного местного воротилы. Вам рассказывали? Да, именно здесь и рвануло. Виновных так и не нашли. Судя по рассказам, это были войны каких-то местных группировок. Как говорит один мой знакомый: «В ранешние времена стреляли чаще и лучше. Швали было меньше». Спорный вопрос. Швали всегда хватало.

На рыбном базаре Рино несколько раз останавливают. Наши, если можно так выразиться, общие знакомые. Рыбаки. Угощают Рино свежим уловом. Кто-то мне говорил, что есть такая примета: если Рино съел угощение и дал себя погладить, то всю неделю будет хороший улов. Вот такие у нас здесь приметы. Местного розлива, с привкусом морской соли.

Пользуясь этими привилегиями, Рино принимает угощение с королевским достоинством. Иногда позволяет себя погладить. Не каждому и не каждый день. Его настроение зависит от погоды. Дойдя до ворот терминала, мы подходим к воде. Рино принимает морскую ванну, и после этого мы идем домой. Рино – вылизываться и отсыпаться, а я – на работу.

Я работаю у себя в мастерской. Она расположена на первом этаже, позади лавки. Нет, лавка не моя. Когда покупал этот дом, торговать желания не было. Поэтому помещение первого этажа сдал в аренду своему приятелю, который торгует «колониальными товарами». Это оружие, одежда и разные полезные мелочи. А я... Я стал ювелиром.

Как это вышло? Случайно.

После того как мы с Полем вернулись из экспедиции, наши пути разошлись. Службу внутренней безопасности ликвидировали, и мы опять оказались не у дел. У Нардина появился сынишка, которого надо было вырастить. Поначалу я отправился в Порто-Франко. Думал, что-нибудь подвернется. Увы, но ничего хорошего. Выбор был невелик, а воевать за какие-то глупые идеи Ордена не хотелось. Времена тогда были очень беспокойные.

Потом устроился в охрану к одному торговцу. У него было несколько магазинов в Порто-Франко и две небольшие лавки в Виго. Вот я и наматывал километры между городами, сопровождая грузы. Ездил и с конвоями и в одиночку. Разное бывало. Однажды, прибыв в очередную командировку, я познакомился с местным ювелиром. Старик прибыл в Новый мир недавно и открыл в Виго небольшой магазинчик. Дела у него шли неплохо, но его трижды грабили. Согласитесь, это немного неприятно. Сидишь, спокойно работаешь, делаешь какое-нибудь колечко для местной красотки. Вдруг в лавку вваливаются два мордovorота с обычным приветствием: «Кошелек или жизнь!» Знаете, на всех бродяг кошельков не напасешься... Слово за слово мы разговорились с мастером, и он предложил мне работу. Поначалу я просто охранял его лавку. Было несколько заварушек. Однажды к нам ввалились какие-то свиньи, которые даже не поздоровались. Вместо этого они жакнули из дробовика в потолок. Испортили люстру. В итоге ребята немного пострадали. К приезду орденского патруля трое уже остывали. Еще один пытался выползти из помещения. С простреленными коленками и пробитой головой это немного проблематично. Так или иначе, но на улицу он выполз. Где и умер.

После этого случая нападений стало поменьше, и мне стало скучно. Охмурять местных дамочек можно было и по вечерам, а сидеть и листать старые журналы – не для меня. Старик-ювелир как-то попросил меня ему помочь. Уже и не вспомню, в чем именно. Какая-то мелкая работа. Потом старик заметил, что у меня есть небольшой талант к рисованию и немного вкуса. Начал меня обучать. Согласитесь, это лучше, чем мучиться от безделья. И вот, как выразился мой учитель, в тридцать три года я «сменил свинец на серебро и золото». Последние девять лет я занимаюсь ювелирным делом и решением проблем, которые связаны с этим

бизнесом. Ювелиров в Новом мире немного, и все друг с другом знакомы. Иногда, когда у какого-нибудь придурка возникают неправильные мысли, мне приходится помогать своим коллегам. Случалось, и людей похищали. Разное бывало. Не скажу, что проблемы бывают часто, но пострелять иногда приходится.

К моему сожалению, несколько лет спустя старик умер. Сердце... Из Порто-Франко были его родственники, чтобы разделить имущество. Я немного подумал, потом подсчитал свои сбережения, одолжил десять тысяч у Нардина и взял кредит в банке. Собрал необходимую сумму и выкупил у наследников весь этот бизнес. Вместе с двухэтажным домом, который стоит в первой линии, прямо на набережной. Так и завертелось. Драгоценные металлы для работы покупаем у новых поселенцев. Не все сдают золото в банк Ордена. Весь этот «металлолом» (начиная от золотых монет и заканчивая аляпистыми украшениями) идет в переплавку. Модельный воск «Ferris» и химию заказываем в Старом Свете. Иногда, по случаю, попадаетесь и демидовское золото. Признаться, я не люблю с ним работать. Что-то не позволяет. Слишком дорого это золото обошлось моим друзьям.

После нашей утренней прогулки я отвел Рино домой, а сам спустился в мастерскую. Надо было начинать работу над браслетом, заказанным накануне. Массивный серебряный браслет с черным ониксом. Его заказала одна местная красавица.

Пока я копался с эскизами, в дверь постучали. Это пришел хозяин лавки, Керро Васкес, почтенный отец семейства и мой приятель. Ему около пятидесяти лет. Упитанный, чуть лысоватый мужчина с черными моржовыми усами. Иногда мне кажется, что он их слегка подкрашивает, чтобы отвлечь внимание от блестящей на солнце лысины.

– Привет, Карим.

– И тебе не болеть, – хмыкнул я и отложил в сторону карандаш. – С чем пожаловал? Жена опять беременна и ты ищешь сочувствия? Не дожدهшься.

– Карим, ты что, с ума сошел?! Святая Тереза! – Он молитвенно сложил руки и посмотрел в потолок. – Только этого мне не хватало для полного счастья! Кстати, там пришел наш старый знакомый. Принес оружие. Не посмотришь? Ты же знаешь, я в этих вещах не очень хорошо разбираюсь.

– Хорошо, сейчас приду.

Да, дети – это цветы жизни, но надо знать меру с клумбой! У чрезмерно продуктивного и любвеобильного сеньора Керро – двенадцать детей. Оранжерея, а не семья. И все девочки! Все до единой! Он уже не знает, каким святым молиться, чтобы остановить этот женский беспредел. Ему очень хочется сына, но рискнуть еще раз и получить очередную юбку он боится.

Я хмыкнул, снял фартук и вышел в торговый зал. Около прилавка торчал знакомый паренек. Матео. Да уж... Это «старый» знакомый. Ему лет девять, не больше, но проблем с ним столько, что его мать воеет от этого щуплого бездельника. Нет, он где-то работает. То рыбакам помогает, то еще что-нибудь придумает. Иногда, после очередной фантазии на тему «как быстро разбогатеть и больше никогда не работать», парня ловит все мужское население нашего города. Чтобы хорошо выдрать, а потом грозиться утопить прямо у причала.

– Привет, – кивнул я и посмотрел на мешок, лежащий рядом с прилавком. – Смотрю, тебе очень везет с находками. И что ты «нашел» в этот раз?

– Сеньор Шайя, – он даже руки к груди прижал, – я правда нашел! Вы же меня знаете!

– Потому и спрашиваю, что знаю. Украл?

– Нет, честное слово – нашел! Там еще был разбитый вельбот и ящик с консервами.

– Две недели назад, – хмыкнул я и начал загибать пальцы, – ты пытался продать сеньору Керро пыльный рюкзак, «найденный в саванне». Его владелец, из новых поселенцев, догнал тебя прямо у прилавка. Так было дело? Так. Идем дальше... Пять дней назад, когда ты притащил серебряный портсигар, «найденный на берегу», его безутешный владелец сидел у меня в мастерской и плакал горючими слезами, что какой-то грязный оборванец украл дорожную и

памятную вещь. Между прочим, это был подарок его покойной жены. Ты, черт тебя побери, маленький воришка, Матео! Вызвать орденский патруль или правду скажешь?

– Нет, сеньор Шайя, на этот раз я говорю чистую правду! Я нашел вельбот в бухте и...

– Ну да, прямо у рыбного базара.

– Нет! Недавно штормило, и эти люди погибли. Так и патруль сказал.

– Ты даже береговой патруль поставил в известность? – Я искренне удивился. – Матео, ты ведь знаешь, что я проверю!

– Да, конечно! Клянусь, что говорю чистую правду.

Это уже что-то новое... Я вздохнул и посмотрел на Васкеса. Тот только плечами пожал. То, что этот мальчуган – мелкий воришка, знает весь Виго. Брать ворованные вещи на продажу, это значит – иметь проблемы с Орденом и местными жителями. Мы никогда и ничего не покупали у этого малолетнего бандита, но он продолжал к нам ходить. Наверное, потому, что мы его подкармливали. Уж больно он тощий, этот Матео.

– Ладно, черт с тобой. Показывай, что принес. Но если я узнаю, что ты мне соврал!..

15 год по летоисчислению Нового мира

Виго

Матео развязал свой мешок и уже собрался выкладывать вещи на прилавок, но Керро его остановил. Постелил кусок брезента и приглашающе махнул рукой. Давай, мол, показывай, что принес. Так, что у нас здесь? Револьвер, пистолет и три ножа с ножнами. Следом за ними лег кожаный ремень с кобурой и патронташем, два запасных магазина для пистолета и пачка револьверных патронов, перехваченная широкой красной резинкой. Осторожно взглянув на меня, Матео вздохнул и положил сверху что-то тяжелое, упакованное в оружейный кожаный чехол.

– Это все?

– Да, сеньор Шайя, – быстро кивнул паренек и затих.

– И все это ты нашел в бухте, – подвел черту я и недоверчиво хмыкнул. Заметив, что Матео открыл рот для очередной порции оправданий, ткнул в его сторону пальцем. – Стоп! Если я захочу что-то узнать, то спрошу.

– Пока будешь смотреть, я прогуляюсь, – сказал Керро. – Это тут, неподалеку.

– Хорошо, – сказал я, не отрываясь от находок, – если ты идешь в «тут, неподалеку», то захвати нам что-нибудь к обеду. И этому, – я кивнул на Матео, – этому доходяге тоже.

– Да, конечно. – Васкес снял с вешалки свою помятую шляпу и открыл дверь. Звякнул дверной колокольчик, и мой сосед засеменял по набережной, переваливаясь с боку на бок как гусь.

«Тут, неподалеку» – так Керро говорит про соседнюю харчевню. Он туда часто ходит, чтобы пропустить стаканчик виски и послушать свежие новости. Там неплохо кормят, а уж рагу с чоризо и фасолью готовят такое, что пальчики оближешь! Кстати, харчевня начинает работу с половины четвертого утра, чтобы рыбаки перед выходом в море не будили своих жен и могли спокойно позавтракать.

Если шеф-повара не окажется на месте, то Керро вернется только через полчаса. Выпьет стаканчик виски и успеет задрать юбку посудомойке, утащив ее в подсобное помещение. Поначалу она будет хихикать, притворно возмущаться и хлопать его по рукам, а потом краснеть и стонать на весь торговый зал. Хорошо, что там шумно, и никто ничего не услышит. Это у него называется: «Извини, задержался немного. Тут, неподалеку».

Ладно, что у нас здесь? Пистолет, копия моего, висящего на поясе под рубашкой. «Beretta M92F». Пятнадцатизарядный, под люгеровскую «девятку». Видавший виды – воронение изрядно потертое. Хм... Тот, кто его носил, скорее всего, был левша. На рукоятке, с правой стороны, хорошо отполированное пятно. Так бывает, когда пистолет носят в «высокой»

кобуре. В магазине, вставленном в пистолет, всего шесть патронов. Ствол грязный, в свежем нагаре. Видимо, перед тем как утонуть (по версии Матео, разумеется), владелец выпустил в кого-то девять пуль. Почему? Потому что если бы выжил, то сменил магазин на полный. В этих краях с такими «мелочами» не шутят.

Что у нас дальше? Револьвер «Colt», калибра 0.357 Magnum. Хорошая игрушка; правда, на любителя. Я хоть и ювелир, но все эти серебряные насечки, которыми украшают оружие, мне не нравятся. Все хорошо в меру... Револьвер незаряженный. Накладки на рукоять – черные, отполированные до зеркального блеска. Если не ошибаюсь, сделаны из рога бизона. Оружие в хорошем состоянии. Ржавчины нигде нет, смазан. Из него давно не стреляли. Судя по тому, что пыли не видно, – хранили в сумке. Да, вот и несколько ворсинок к барабану прилипло. Точно в сумке валялся.

Карабин интересный. Бразильский «Rossi» со скобой Генри. Копия модели 1892 года, под тот же револьверный патрон 0.357 Magnum. Я таких здесь не видел. Такие модели, как правило, покупают любители ковбойского антуража. Те самые, которые Техас видели только по телевизору и на картинках. Потому что настоящий южанин выберет «правильный» калибр. «Длинный сорок пятый» или тот же винтовочный 30–30 Win. А это так... романтики Дикого Запада. Думаю, вы с такими встречались. Широкополые шляпы, ковбойские сапоги и тexasские шнурки-галстуки на шее. Добавьте к этому лающий акцент северянина – и получите полную картину «воскресного ковбоя». Судя по хорошему состоянию и специальному кожаному чехлу (обшитому изнутри черной фланелевой тканью), с карабином обращались очень бережно.

Так-с... Ножи. Я даже не удивился, когда одним из них оказался нож Боуи. В дорогих, украшенных тиснением кожаных ножнах. Дамасская сталь. Увесистый клинок. Видимо, кто-то выковал по специальному заказу. Второй нож большого интереса не вызвал. Обычный походный нож. Финский пууко, в глубоких ножнах, которые почти полностью закрывают рукоять, сделанную из березового капа. Третий нож – нечто похожее на шотландский скин-ду. Формой. Рукоять вырезана из черного дерева и украшена серебряной инкрустацией. В наверху – желтый камень. Сердолик? Может быть.

Пока я все это рассматривал, позади раздался скрип двери, и в лавку пробрался Рино. Он зевнул, покосился на Матео, а потом подошел ко мне и потерся о ноги. Хорошо, что у него хвост короткий. Если бы он еще и хвостом размахивал, то сбивал бы людей с ног.

– Так, парень, – я отложил находки в сторону и повернулся к Матео, – можем считать. За пистолет, револьвер и ружье – триста пятьдесят экю. Вся остальная мелочь – пятьдесят экю. Итого, мы имеем четыреста экю и подарок – один звонок в береговой патруль.

– А зачем звонить в патруль? – спросил Матео и шмыгнул носом. Потом вытер грязным рукавом нос и уставился на меня.

– Если ты доложил патрулю о находке, – я пожал плечами, – то бояться тебе нечего, и я спокойно выплачиваю тебе деньги. Прямо сейчас. Если они ничего не знают про найденный тобой вельбот, то забираешь свои «находки» и топаешь отсюда. Устраивает такой вариант?

Пока я созванивался с патрулем, Матео пытался погладить Рино. Рысь спокойно отнеслась к этим попыткам подружиться и милостиво разрешила погладить себя по спине. Свою голову Рино доверял только мне и одной моей хм... знакомой.

Через двадцать минут вернулся Керро. Насвистывая какую-то веселую мелодию. Видимо, успел «извини, немного задержался». В руках держал три жестяных судка с испанским рагу. Так как дежурный подтвердил информацию о разбитом вельботе (очень удивленным тоном), то Васкес открыл сейф и, страдая от очередного безденежья, облегчил кассу на двести пятьдесят экю. Сто пятьдесят экю добавил я и забрал себе карабин. Есть у меня одна подружка, которая обрадуется такому подарку.

Потом мы неторопливо закусили чем бог послал, и Матео, спрятав деньги в карман, убежал к матери. Керро Васкес пошел обслуживать заглянувших покупателей, а мы с Рино верну-

лись в мастерскую. К эскизам, серебру и черному ониксу, лежащему на моем столе большой выпуклой каплей.

К вечеру, когда уже начало темнеть, я закончил половину браслета. Если быть точным, то половину восковой модели. Работа мне нравилась, результат – тоже, и я решил немного отдохнуть. В этот момент позвонила моя подруга, живущая на другом конце улицы, и пригласила на завтрак. У нас в Виго свои традиции, и завтракать начинают поздно вечером. Мало ли как дело обернется? Чтобы не опоздать к утреннему кофе, лучше прийти заранее. Например – вечером.

Закончив работу, я принял душ и уже через час был готов к подвигам. Начало смеркаться, когда вышел из дому. Кстати, в доме два выхода. Один парадный и второй, выходящий в переулок между домами. Я им пользуюсь, когда лень топтать через лавку.

Что-то насвистывая, я вышел на свежий воздух. Людей не было видно. Они здесь рано ложатся спать и поднимаются еще до зари. Вечером улицы пустеют.

Я уже собрался закрыть дверь, но послышался какой-то топот. Со стороны набережной появился бегущий Матео. Видимо, парень опять что-то натворил и теперь пытался удрать. Вот паршивец! И тут я увидел его преследователя. Черноволосый мужчина. Он завернул за угол и попытался схватить Матео за рубашку, но поскользнулся и упал. В руках у него был пистолет. Это мне не понравилось. Мужчина скривился, но быстро вскочил на ноги и, хромя, бросился за мальчишкой.

– Стой! – Мужчина бежал быстро, но поймать испуганного паренька, который вырос в этих закоулках, – дело непростое. – Стой, тебе говорю!!!

Матео пробежал мимо двух мусорных баков. Зацепил один и чуть не покатился кубарем. Бак с грохотом упал, а парень успел вскочить и кинулся прочь. Он бы успел убежать, но я схватил его за шиворот и зашвырнул в двери моего дома.

Выстрел! Выстрел!

Первая пуля ударила в каменный фундамент, свистнула и ушла куда-то в сторону. Вторая угодила в ступеньки под моими ногами, и ситуация перестала мне нравиться. Я пинком захлопнул дверь, услышал щелчок замка и перевалился через перила, укрываясь за каменной лестницей.

Выстрел!

Еще одна пуля свистнула у меня над ухом, но я успел вытащить пистолет и выстрелить в ответ. Парень, видимо, не ожидал такого ответа, поэтому испуганно отшатнулся за мусорный бак и присел. Придурок! Бак пустой, как консервная банка! Это тебе не голливудские фильмы, где за ведром можно спрятаться!

Не раздумывая, я всадил пять пуль в зеленую стенку бака. Послышался стон, и парень упал на колени, подставив голову под пулю. Еще два выстрела! Одна моя пуля попала в бак, а вторая – в голову. Парень дернулся и, завалившись на бок, затих. Один готов!

Какая-то тень мелькнула рядом с поворотом. Выстрел! Я пальнул в ответ и рванул в обход через задний двор. На бегу сбросил полупустой магазин на землю и выхватил из паучера запасной.

Если обойти мой дом вокруг, то с другой стороны и проход пошире, и набережная лучше видна. Пока добирался, нападавшие исчезли. Где-то в темноте послышался шум мотора, и через несколько секунд на набережную выехали два патрульных джипа. Парни охраняют грузовой терминал и не любят, когда их отрывают от дел. С ними лучше вообще не спорить! Как только они появились, я положил пистолет на землю. Фары осветили мою фигуру, и я задрал руки вверх. Ну их к дьяволу! Тут ждать не будут – сначала пристрелят, а потом будут рассматривать, кого завалили.

Пока я разбирался с патрулем и объяснял ситуацию, приехал еще один джип. На этот раз местной «самообороны». Что-то похожее на службу шерифа в техасских городках. Двадцать

парней, под руководством старшего альгвасила, несут службу по охране порядка. Разбираются с разными мелкими правонарушениями, вроде драк, краж и пришлых бандитов.

Когда этим парням приходится туго, а бандиты сильно наглеют, то собирается компания из жителей Виго, которые всегда готовы пострелять. Мужчины берут оружие и совместными усилиями решают проблему. Решенную проблему, как правило, закапывают в саванне, и все возвращается в мирное русло.

Парни привезли плохие новости. Час назад кто-то забрался в квартиру матери Матео и разнес там все вдребезги. Мало того – женщину так избили, что ее без сознания увезли в больницу. Хорошо, что соседи услышали шум и вмешались.

– Что? – переспросил я и посмотрел на патрульного, стоящего рядом со мной.

– Вы не видели Матео? – Он стоял с открытым блокнотом и собрался что-то записывать.

– Я уже говорил. Матео пробежал мимо меня и скрылся на задворках. Потом выскочил этот парень и начал в меня стрелять. В результате нашего разговора он сдох.

– Да, конечно, сэр! У нас к вам никаких претензий!

– Еще бы они у тебя были, сынок... – пробурчал я и начал осматривать труп.

В итоге я разбогател на сто пятьдесят экую, бельгийский «Browning High Power» и, судя по всему, заимел непонятную головную боль в виде сложившейся ситуации. И небольшую истерику моей подружки Беатриче, которая прибежала на место перестрелки чуть ли не раньше орденского патруля. С дробовиком наперевес. Горячая женщина. Еле успокоил.

15 год по летоисчислению Нового мира

Виго

Еще через полчаса прибежал Керро Васкес. Он живет неподалеку и слышал выстрелы. Надо отдать ему должное – всегда готов прийти на помощь. Особенно если стрельба уже закончилась и победители собирают трофеи. Васкес покачал головой, посмотрел на витрину лавки и наконец заметил пробитый пулями бак.

– Да, парень, тебе не позавидуешь, – кивнул я. – Пострадавший бак был твоим. Мой, как видишь, уцелел.

– Опять расходы! – взмолился Керро. – Ты что, черт побери, не мог стрелять точнее?!

– Извини, amigo, но он не хотел вылезать наружу.

– Вот дьявол!

– Керро, не ной. Видишь, у дохлого парня нашлось немного наличных. Купим новый бак.

Поздно ночью, а точнее – уже под утро, мы сидели у меня в мастерской и разговаривали. В этой комнате можно быть спокойным. Риск получить пулю из окна отсутствует по причине отсутствия самих окон. Подружку пришлось отправить домой, извинившись за испорченный завтрак. Увы, но иногда приходится посидеть на диете.

Пока мы обсуждали наши проблемы, стало светать. Рыбаки начали собираться на пристани, обсуждая последние новости. Их, как вы понимаете, две. Нападение на мать Матео и убитый мною парень. Васкес, с видом пострадавшего, сходил в харчевню, принес нам перекусить, и мы лениво завтракали. Испуганный Матео жадно хлебал горячую похлебку и внимательно прислушивался к нашему разговору.

– И что нам делать с этим бездельником? – кивнул Керро на сидящего за столом Матео.

– Утопить, – предложил я. – Привязать к ногам булыжник и сбросить с причала. Жители только рады будут. Еще и спасибо скажут.

– Влипши, – уныло заметил Васкес и сторбился. Даже его моржовые усы обвисли.

– Мы еще не знаем – кто, и главное – зачем устроил эту перестрелку.

– Тебе от этого легче?

– Нет, – честно ответил я. – Поэтому предлагаю выпить по рюмке чаю и утопить этого мерзавца.

Матео покосился на меня и жалобно шмыгнул носом.

– Ешь давай, – кивнул ему Керро и «успокоил»: – Не сможем тебя утопить на голодный желудок: будешь выныривать как поплавок.

– Ладно, завтра разберемся. Давай по пятьдесят капель – и по домам.

– А с ним что делать?

– Оставь здесь, – предложил я. – Пусть переночует у нас в подсобке. Там же есть диван. А утопить и утром успеем. После завтрака. Иди лучше домой. Семья будет нервничать.

– А ты?

– А что со мной не так? Наливай давай.

– Ну да, – кивнул он и открыл небольшой деревянный ящик, стоящий на одной из полок. На зеленом потертом боку красовался грозный оранжевый знак: «Flammable!» Керро достал из него бутылку бренди, два бокала и кивнул: – Давай!

Одним стаканом Керро не ограничился. В хорошем темпе высосал большую часть содержимого бутылки и ушел домой, покачиваясь на поворотах. Я запер лавку, принес Матео одеяло с подушкой и, допивая остатки бренди, задумался.

Итак, господа, что мы имеем на сегодняшний день? А ничего хорошего, кроме холодного трупа и неясных проблем.

Во-первых – избита мать Матео.

Во-вторых – разгромлена их квартира.

В-третьих – в этого оборванца стреляли.

В-четвертых – стреляли сразу после того как Матео притащил свои, дьявол их раздери, находки. Как сказал бы местный священник: «non multa, sed multum» – не много, но многое. Ладно, о священнике, который тоже персона интересная, расскажу в другой раз. Сейчас есть иные заботы.

– Матео, скажи мне честно... – Я развернулся в его сторону, но он даже не дослушал:

– Честное слово, это не я! Я правда ничего не крал!

– Когда ты последний раз что-нибудь стащил? Документы, записи?

– Сеньо-о-ор Шайя! – Он начал тянуть слова, словно собрался заплакать.

– Не зли меня! – рявкнул я. – Изволь говорить четко и внятно. Что ты спер в последний раз, и главное – у кого именно?!

Матео клялся всеми известными ему святыми, что ничего не знает. И верить глупо, и проверить трудно. Точнее сказать – невозможно. В итоге я отправил его спать, а сам поднялся к себе, закурил и устроился на диване в гостиной. Через несколько минут пришел Рино и улегся рядом...

Наутро я здорово проспал. Поднялся около десяти часов. После завтрака и прогулки, зашел в службу охраны терминала. Поболтал с начальником смены насчет нашей ночной перестрелки. Пока информации не было, и парень с сержантскими нашивками только руками развел:

– Не знаю, мистер Шайя. Я сделал запрос про этого убитого парня, но пройдет несколько дней, пока удастся что-то выяснить. Вместе с ним были его сообщники, но сколько их и куда они исчезли, неизвестно. Судя по следам крови, сэр, один из них ранен.

– Ладно, – отмахнулся я. – Если что-то узнаешь, звякни в мастерскую.

– Да, конечно!

То, что кроме убитого есть один раненый, это не новость. Я осмотрел место перестрелки и нашел несколько капель крови, рядом с поворотом. Убитый был без документов? Тоже не удивительно. Если прогуляетесь в район, граничащий с саванной, то в тамошних трущобах таких жильцов навалом.

Я вышел из ворот терминала, вернулся к дому и забрался в машину. Их у меня две. «Лендровер» и «Виллис М38А1», доставшийся мне год назад, в виде трофея. Используется мной как дежурный транспорт для поездок по городу.

Через несколько минут я уже пылил к окраине Виго. Есть там один бар, где можно узнать немного больше. Проехал по пыльной дороге, немного покрутился между лачугами и пять минут спустя подъехал к неприметному зданию. Его можно назвать наследником бара «Кальмар», который раньше находился неподалеку от рыбного базара.

Когда Виго начал разрастаться и районы, прилегающие к набережной, превратились в тихие семейные кварталы, старый бар ликвидировали. Людям, живущим по соседству, надоел вечный шум драк и потасовок. Однажды вечером собралось около тридцати человек, которые пришли к хозяину и предложили ему убраться на окраину. Так сказать, сделали ему предложение, от которого он не смог отказаться. Поначалу хозяин бара возмутился и вызвал охрану. Мальчишки послушно прибежали на вызов. Получили по ребрам от мирных жителей и улеглись отдохнуть на пол. Прямо в кабинете своего шефа. В итоге переговоров «Кальмар» перебрался в район попроще, сохранив за собой славу бандитского притона.

В него-то я и прибыл. Машину оставил у дверей, осмотрелся, отбросил окурок в сторону и вошел внутрь.

– Привет! Ринго у себя?

– А куда он денется? – скривился бармен, показывая кривые и желтые от никотина зубы.

– И то верно, – кивнул я и прошел в глубь бара.

Ринго – это местный ростовщик, скупщик краденого, а заодно источник информации для тех, кто хочет узнать больше, чем печатают в нашей вечерней газете. Грязная дверь, ведущая в его берлогу, была заляпана подтеками и бурыми пятнами. Судя по всему, кто-то пытался войти головой вперед, но ничего не получилось – дверь оказалась крепче. Что и говорить, этот закуток часто служил рингом для любителей помахать кулаками.

Я пнул дверь и вошел к комнате. Она была такой же грязной, как и весь этот бар. Разве что крови и осколков стекла, которые в зале хрустели под ногами, здесь не было. Окно выходило в переулок, и сквозь грязное стекло можно было увидеть стену соседнего здания. Воняло дешевыми сигаретами, дрянным виски и еще чем-то прокисшим. Тусклая настольная лампа слабо освещала помещение, и углы комнаты тонули в вечных сумерках. Висящий на потолке вентилятор лениво гонял воздух. «Старик» Ринго, которому недавно стукнуло двадцать пять лет, сидел за колченогим столом и листал какие-то бумаги. Рядом с бумагами лежали калькулятор, увеличительное стекло и револьвер.

– Здравствуйте, сеньор Шайя... – Парень кисло улыбнулся и даже успел подняться.

Вместо приветствия я кивнул и зарядил ему в челюсть. Р-р-раз! Парень отлетел к стене, ударился головой в доски и сполз вниз. На разбитой губе показалась кровь.

– И тебе не болеть, – сказал я и вежливо поинтересовался: – Еще добавить или хватит?

– За што, сеньор Шайя?!!

– Когда узнаю за что, я тебя, паскуду, вообще прибую, – пообещал я и поднял упавший стул. Обрывком бумаги, найденным на столе, я вытер сиденье и сел верхом.

– Но я...

– Ринго, лучше заткнись и слушай. Зубы целее будут, – посоветовал я и вытащил из кармана пачку сигарет. Неторопливо закурил и продолжил: – Итак, старина: у нас, если мне не изменяет память, был договор. Ты, если узнаешь или услышишь, что в отношении меня затевается что-то нехорошее, поднимаешь свою задницу и ползешь ко мне с коротким и четким рапортом. Было такое? Было. Хорошо. Значит, я ничего не перепутал. Вчера в меня стреляли...

– Это не в ваш, а в этого...

– Еще раз меня перебеешь, я тебе ухо отрежу, – честно предупредил я.

– Но это не в ваш штреляли, шеньор Шайя! – взвился парень. – Это в того воришку, как его там... Матео! Это в Матео штреляли!

– А я тебе кто? Дух бесплотный? Парень бежал в мою лавку, когда какой-то придурок разрядил в него целый магазин! Если бы он стрелял в Матео, то надо было стрелять точнее. Он бы прихлопнул мальчика, я прихлопнул стрелка – и вопросов бы не было! Дело-то, в общем, житейское! Но тут другая картина. Нет, скажи мне, что это за дела такие?! Меня вчера чуть не убили, а ты сидишь, размазываешь сопли по щекам и несешь какую-то чушь. Тебе что, спокойная жизнь в Виго надоела? Хочешь обратно в Портсмут?!

– Шеньор Шайя...

Через полчаса я ушел. Ринго рассказал все, что знал, и уполз зализывать разбитую губу. Обещал впредь смотреть в четыре глаза и не допускать таких ошибок. Что удалось узнать? Ничего хорошего. Во-первых – три дня назад в Виго приехали несколько человек. Ждали своего знакомого, который должен был прибыть в наш город. Когда не дождались – начали его искать. В результате этих поисков избили мать Матео, а я чуть не получил пулю. Той же ночью (сразу после нашей перестрелки) парни из города исчезли. Разумеется, за исключением дохлого стрелка, который умер рядом с моим домом, испачкав мусорный бак своими мозгами. Кто они такие и откуда взялись – неизвестно. Это я пересказываю беседу с Ринго, отбросив его шепелявое «шеньор», «штреляли» и «ишкали». Единственное, что удалось выяснить, – парни были мусульманами.

15 год по летоисчислению Нового мира

Виго

– Поднимайся. – Я зашел в подсобку и разбудил Матео. Видимо, парень вчера натерпелся страху. Спал почти до самого обеда. Пока он дрях, я уже успел поработать в мастерской и сходить позавтракать. Растолкав это лохматое чучело, поставил перед ним судок с супом и пошел поговорить с Васкесом.

– Привет, amigo.

– Привет, – хмуро отозвался Керро. Выглядел он не лучшим образом. Судя по его уныло обвисшим усам, настроение дало глубокую трещину.

– Повар только что уехал на ферму, – сообщил ему я и облокотился на прилавок. – За овощами. Пока нет клиентов, можешь сходить прогуляться. Тут, неподалеку.

Васкес, вопреки своей привычке «любить все, что движется», только рукой махнул:

– Ну их всех к дьяволу, Карим. Настроения нет.

Я покосился на него, но ничего не сказал. Что-то он совсем раскис. Иногда с ним такое случается. Когда супруга устраивает очередную истерику. Вечные темы жены Васкеса, это: нехватка денег, измены мужа, и «жизнь проходит мимо, в черед серых и безрадостных будней». Ладно, это не мои проблемы. Кроме личных терзаний сеньоры Васкес есть и другие задачи. Надо решать ситуацию с Матео. Пока его мать в больнице, оставлять парня одного – это не самая лучшая идея.

– Зря мы у него эти вещи купили, – с хмурым видом пробурчал Керро, – лучше бы не брали.

– А ты чего переживаешь?

– Да ну, – он повел плечами, – как-то беспокойно. И так денег нет...

– Ты из-за денег переживаешь? Ну давай заберу у тебя эти игрушки. Пригодятся.

– Что, правда заберешь? – Васкес поднял голову.

– Без проблем. Сколько ты заплатил? Двести пятьдесят экю? – Он кивнул, и я вытащил бумажник. Отсчитал деньги и получил пакет с оружием. Он его даже на продажу не выставил. Так и лежало в грязном, испачканном пылью мешке. Даже пистолет не почистил. Ну и бизнесмен...

Васкес, получив обратно свои деньги, повеселел на глазах. Несколько минут он бесцельно болтался по лавке, постоял у витрины, раскачиваясь на каблуках, а потом посмотрел на часы и хмыкнул.

– Я, пожалуй, немного прогуляюсь. Это тут, – уже от дверей сообщил он и снял с вешалки шляпу, – неподалеку.

– Вали, пока повар не вернулся. Кстати, – я вытащил из кармана несколько купюр, – ты у нас в этом деле профессионал. Будешь идти обратно, купи для Матео какую-нибудь одежду, а то ходит как последний оборванец.

Через несколько часов я закончил восковую модель браслета. Кроме него есть еще несколько заказов на серебряные украшения. Два мужских перстня с монограммами и женский кулон с рубиновой каплей. Их восковые модели уже готовы, поэтому завтра утром соберу «елочку» – и можно готовить опоки и заливать их формовочной смесью.

Так как Васкес уже вернулся из харчевни, я отправился к нашему «шерифу». Альгвасила нашел в офисе. Его зовут Стив Бальмонт. Русоволосый здоровяк лет тридцати пяти с серыми поросычьиими глазами и пухлыми губами. Над верхней – узкая щетка усов. Этот парень полноват, неповоротлив и очень тяжел на подъем. Больше всего любит посидеть в кабаке с кружкой пива и высказывать «остроумные» мысли. Его любимая фраза: «Хорошая еда, сеньоры, гораздо важнее секса! Потому что движений меньше, а удовольствия больше!» После этих слов, как правило, оглушительно ржет. Собеседники пожимают плечами и усмеваются, но Стив не обращает внимания. Жители поговаривают, что ему пора заняться другим делом и освободить место альгвасила, но подходящей кандидатуры так и не нашлось.

Офис самообороны находится неподалеку от моего дома. Метрах в двухстах, по правую руку. Думаю, видели, если прогуливались по набережной. Это красное двухэтажное здание. Да, то самое, рядом с табачной лавкой. На втором этаже – почта и телеграф, а на первом – филиал орденского банка. За аренду офиса платят жители Виго.

Один раз в год мы переводим какие-то смешные деньги на счет службы самообороны. Что-то около пятидесяти или шестидесяти экю. Из собранной суммы начисляется зарплата сотрудникам самообороны, покупается горючее и амуниция. Оружие и прочие полезные вещи, которые они захватывают у преступников, продаются на ежемесячном аукционе. Вырученные деньги поступают на счет самообороны. Можно сказать, что эта организация находится на частичном самообеспечении.

Бальмонт сидел в офисе и, тяжело отдуваясь, пил кофе. Горячую бурду из кофейника. Мы неторопливо поговорили о погоде, ценах на рыбу и новостях «прочего мира». Думаю, вы мне не поверите, но здесь такая скука! Новости по Новому миру расходятся очень медленно. Нет телевидения, нет радиостанций с истерично-веселыми ведущими. Нет гляцевых журналов и великосветских сплетен. Единственная местная газета выходит один раз в неделю, и там печатают набившие оскомину рекламные объявления, закупочные цены и расписание орденских конвоев. Частные конвои печатают свою рекламу отдельно, в разделе «услуги». Тексты этих объявлений вязнут на зубах, как варенье из айвы. «Быстро и недорого», «Недорого и быстро», «Быстро, дешево, безопасно».

В общем, жизнь нетороплива, как и в любой провинции. Любая шумная история, будь то супружеская измена или рядовая перестрелка, превращается в источник долгих разговоров и занимает умы горожан несколько недель. Про сезон дождей и вспоминать не хочется! Он превращается в пытку.

Два раза в год здесь проводят фестивали, к которым готовятся заранее. Это и ярмарка, и карнавал, и все что угодно. За три дня праздника жители успеют уничтожить запасы пива и вина, припомнят недругам все обиды и будут с радостью бить им морды. Драчунов разнимут, и через несколько минут они будут мирно беседовать за стаканчиком виски.

Не люблю праздники. Если подворачивается какой-нибудь попутный конвой, то я беру подружку и уезжаю из города. На охоту или просто поболтаться в Порто-Франко. Пару раз ездили к Полю, но он вечно загружен работой.

Между чашкой кофе и рюмкой вишневой наливки я сообщил альгвасилу о Матео. Сказал, что парень сидит у меня и трясется от страха. Стив немного помолчал. Потом надул щеки для важности и заявил, что надо обязательно провести расследование и прояснить ситуацию. Я с готовностью кивнул, хотя точно знаю, что никто и пальцем не шевельнет.

– Слышал новость? – выдохнул Стив и поставил кружку на стол. – Мать Матео пришла в себя. Кстати, а чем он сейчас занят?

– Помогает Керро разобрать завалы в подсобке. Хочешь с ним поговорить?

– Нет, сейчас не хочу, – отмахнулся альгвасил. – Как-нибудь в другой раз. Сегодня слишком жарко.

– Так что там с его матерью? Что она сумела рассказать?

– Она слаба и говорила буквально несколько минут. Успела сказать, что парни, которые забрались к ней в квартиру, искали что-то очень маленькое. Когда не нашли, то начали ее избивать. Спрашивали, где найти ее сына. Как я понимаю, он у них что-то украл.

– Нет, не думаю, – я покачал головой, – парень жутко напуган. Он даже на улицу боится выйти. Я с ним разговаривал на эту тему, и он клянется, что после того серебряного портсигара ничего не крал.

– Ты ему веришь?

– Я знаю, как выглядят люди, которые врут. Не могу быть полностью уверен, но кажется, что Матео говорит правду.

– Знать бы, что они ищут... – протянул шериф и покосился на меня.

– Если ты хочешь, то можешь осмотреть вещи, которые мы у него купили. Это несколько стволов. Я не думаю, что из-за них будут убивать человека, рискуя нарваться на пулю.

– Пожалуй, ты прав, – кивнул альгвасил. – Если что-то узнаешь, то...

– Обязательно сообщу.

Вышел на улицу – и солнце плеснуло в глаза ослепляющей волной света. Да, оно здесь горячее. Выжимает из тебя последние капли пота, будто хочет превратить в сухую красную пыль. Испепелить и развеять твои останки по саванне. Я закурил и пошел домой, но уже через несколько метров почувствовал чей-то взгляд. В этот час людей на пристани много. Рыбаки приходят с уловом, и на набережной толпятся люди. Торговцы, жители, жены рыбаков и разные лентяи, которым нечем заняться. Но кто-то за мной наблюдает. Пристально. Такие взгляды чувствуешь. Жизнь учит разным правилам. Одно из них – доверяй своим чувствам. Если ты чувствуешь, что твоей заднице угрожает опасность, то скорее всего – так и будет.

– Телеграмму принесли, – хмуро сообщил Васкес, копясь в пустой кассе. На прилавке лежал небольшой клочок бумаги, – только что.

– Спасибо, – кивнул я. Потом развернул сложенный пополам листок и прочитал: «БУДЕМ ЗАВТРА ТЧК ВМЕСТЕ СЕМЬЕЙ ТЧК ЦЕЛЮЮ ТЧК ЭЛЬМИРА ТЧК».

– Tvoju matj... – выдохнул я.

– Что ты сказал? – не понял Керро.

– Сестра с мужем и моим племянником приезжают. Завтра, – перевел я. – Сейчас мне только родственников не хватает... для полного и безоговорочного счастья.

– Родственники – это хорошо, – хмуро согласился Васкес и, немного подумав, добавил: – А если они живут где-нибудь далеко, то это вообще замечательно...

Да, помню, как в прошлом году к нему приезжала теща из Порто-Франко. Господи, я как сейчас вижу его «счастливое» лицо. Как он узнал о ее приезде, даже обеды забросил. И так целую неделю. Потом приехала эта дамочка – и начался ад. Нет, не так: Ад! С большой буквы. Теще быстро надоело возиться с двенадцатью внучками («Они так кричат! Так кричат!»), и она

весь день провела в нашей лавке. Инспектировала семейный бизнес. К вечеру она добралась до моей мастерской. Начала мне что-то выговаривать, насчет пыли и вентиляции в торговом зале. Я молча встал, подвел ее к входным дверям и объяснил, что если она сейчас не уберется отсюда, то вышвырну на улицу и ее саму, и ее горячо любимого зятя. Вместе с товарами, кассой и этим ужасным запахом приторно-сладких духов, которыми она «умывалась» каждое утро.

Была попытка устроить небольшую истерику и обморок, но, к счастью, не получилось. Со второго этажа спустился Рино. Видимо, эти вопли его достали, и он пришел прояснить ситуацию. Когда эта жирная баба увидела «хищника», то моментально убралась домой. Радоваться обществу двенадцати внучек и сеньоры Васкес. Керро, со слезами благодарности на глазах, пожал мне руку и через пять минут исчез. Вернулся только через полтора часа. Изрядно выпивший. Он долго бормотал что-то похожее на: «Извини, я задержался немного. Тут, неподалеку»... Потом завалился спать в подсобку и захрапел. Даже ночевать домой не пошел. На следующий день шел конвой в Порто-Франко, и его теща уехала домой.

Поймите меня правильно: я ничего не имею против общения с родственниками. Просто моя горячо любимая сестренка приезжает со своим мужем. Мы не очень ладим с этим тридцатилетним парнем. Он жирный увалень. Будет сидеть у меня в гостиной, глотать пиво и оглушительно гоготать. Сестренка начнет бегать по своим подружкам и подыскивать мне невесту. Я так и слышу ее привычную фразу: «Карим, нельзя быть вечно одиноким. Тебе обязательно нужна семья». Согласитесь, когда тебе двадцать, это еще можно вытерпеть. Когда тебе за сорок, это уже слегка бесит.

Моя сестра, которую зовут Эльмира, переселилась в Новый мир шесть лет назад. Ей тогда было около двадцати. Вместе с ней прибыл один из моих братьев. Они живут в Порто-Франко, и видимся мы редко. Пять лет назад сестра вышла замуж на француза из Бордо, и у них родился сын. Теперь они планируют подарить Новому миру еще двух или трех пухленьких французиков с доброй порцией алжирской крови.

Кстати, Эльмира очень дружна со старшей дочерью Керро Васкеса, а мой племянник – с его младшей. Надеюсь, что они будут проводить время вместе и не станут доставать меня своими шальными идеями.

15 год по летоисчислению Нового мира

Виго

Даже у меня, балагура и весельчака, бывают хреновые моменты. И тогда я ненадолго забываю, что за окном – Новый мир. Мир, в который я попал десять лет тому назад. Как-то все слишком привычно... Провинциальный городок на морском берегу. Зеленые волны саванны. Красные проплешины песчаников. Горы... Иногда мне кажется, что если я очень захочу, то смогу добраться до цивилизации. Где будут привычные большие города и аэропорты. Где можно взять билет на самолет и через каких-нибудь десять часов очутиться в Париже. Городе моего детства, юности и любви. И все то, что окружало меня последние десять лет, исчезнет. Как глупый сон. Потом я подхожу к окну, вижу чужое звездное небо и понимаю, что обратной дороги нет. Нет и никогда не будет. Как говорил когда-то Джек Чамберс: «Здесь заканчивается география, старина...»

Вечером, когда лавка закрылась, а Матео отправился радоваться новой одежде и отдыхать, я взял купленные у Васкеса вещи. Разложил их на рабочем столе и приступил к осмотру.

Карабин... пистолет... револьвер... патронташ... два запасных магазина... коробка с револьверными патронами... три ножа... Все, больше ничего нет.

Что искали эти парни?! Мать Матео говорила про что-то очень маленькое. Если парень не врет и больше вещей не было, то почему бандиты так усердно ищут этого маленького воришку? Или я старею и перестал понимать людей, или он врет так искусно, что водит меня за нос.

Тщательно осмотрел все покупки, но ничего «очень маленького» не нашел. Поэтому ограничился тем, что вычистил оружие и отнес к себе на второй этаж. Дверь в оружейный шкаф была скрыта панелью, замаскированной под книжный шкаф. Нет, это не моя задумка. Это сделал еще старый владелец. В этой маленькой каморке у старика-ювелира стоял сейф. В нем он хранил деньги и материалы для работы. Размеры тайника не очень большие. Два метра на метр двадцать. Сейчас здесь добавилось несколько полок, где я храню запасное оружие. То, которым редко пользуюсь.

Основное хранится в гостиной, где рядом с диваном – стойка для оружия. Там висит дробовик, заряженный картечью, и мой старый «калашников» с подствольником. С пистолетом я никогда не расстаюсь. Даже дома. Рядом с оружейной стойкой висит разгрузка.

Все остальное оружие хранится здесь. Пулемет МГ-3, с десятком запасных двухсотпатронных лент. Американская М16А2 с десятком магазинов. Пистолет Стечкина, три ящика с патронами и два дробовика Бенелли. Заначка на черный день в сейфе, в размере тридцати тысяч экю. Небольшая деревянная коробочка, в которой лежат личные вещи из «прошлой» жизни. Фотографии, письма, четыре награды, полученные в Легионе, и несколько безделушек, которые имеют ценность только для меня. Сюда же я убрал и вещи, которые нам продал Матео. Свалил на одну из полок и закрыл панель. Книжный шкаф встал на место. Щелкнул потайной замок.

Утром, на рассвете, я разбудил Матео.

– Далеко находится залив?

– Какой залив? – спросил Матео. Он еще не проснулся и поэтому сонно хлопал глазами.

– С разбитым вельботом.

– Километров пять, не больше.

– Собирайся, – я бросил ему одежду, – прогуляемся немного.

Мы по-быстрому позавтракали, я набросил разгрузку и взял автомат. Джип, урча мотором, вытащил нас на набережную. Она уже пустовала. Рыбаки ушли в море примерно полчаса назад. На берегу копалась лишь одна команда из четырех персон, но это всем известные лентяи и бездельники. Они всегда уходят последними. У них самая неухоженная и вечно грязная лодка на всем побережье. И самые сварливые жены в Виго. Видимо, все это как-то связано между собой.

Через полчаса мы добрались до нужного нам залива. Это не самое приятное место на побережье. Высокие скалы окружают маленький песчаный пляж. Метрах в двадцати от берега, в белой пене скрываются острые камни. Подойти к берегу на лодке практически нереально.

На машине тоже не подъедешь. Поэтому мы оставляем джип чуть выше, метрах в двухстах, и спускаемся, прыгая по валунам и скальным обломкам.

Четырехвесельный вельбот лежал на пляже. Белый, с широкой красной полосой у кромки бортов. Судя по его повреждениям, лодку бросило волной на камни и пробило левый борт. Следующая волна освободила вельбот из каменного плена и швырнула к берегу. Людям, которые были на борту, повезло. Если так можно выразиться о покойниках. Сейчас вельбот лежит метрах в трех выше полосы прилива. Останков людей не видно, и Матео клялся, что их не было.

Люди, люди, люди... Нет, ничего особенного здесь не вижу. В этом мире случается такое, что целые конвои пропадают. Целиком и полностью. Бесследно. А тут – четырехвесельный вельбот с жалким огрызком мачты и обрывками веревок, свисающих с борта. Удивительно, что вещи сохранились.

– Кстати, Матео, – спросил я, – а где были вещи?

– Там мешок был, – отмахнулся Матео, – к банке привязанный.

Я подошел к обломкам вельбота и действительно увидел ключья брезентового мешка, который был надежно привязан к средней скамье.

– К банке, говоришь? – хмыкнул я и обвел взглядом берег. – Ну... к банке так к банке... Иди сюда, малыш.

– Вы что-то нашли, сеньор Шайя? – Матео подбежал ко мне и остановился.

– Нет, – я присел на борт и закурил, прикрывая огонь зажигалки от свежего ветра, – не нашел. Но знаю, что потеряю.

– Что именно? И зачем что-то терять?

– Видишь ли, малыш, больше всего в жизни я не люблю, когда мне врут.

– Я не вру! – замотал головой парень. – Честное слово!

– Ты и сейчас врешь. Поэтому думаю, что поступлю правильно, если оставлю тебя здесь.

– Сеньор Карим!!!

– Заткнись! – оборвал его я. – Мне лишние проблемы не нужны. И так... Либо ты, Матео, рассказываешь все как на духу, либо разворачиваешься и валишь на все четыре стороны. Думаю, что уже к вечеру будешь лежать где-нибудь на окраине Виго с перерезанной глоткой. Решай...

Пещера, про которую рассказал Матео, нашлась чуть выше. Метрах в пятидесяти от берега. Не знаю, как он на нее набрел, но пути этого парня непредсказуемы. Да, вещи он нашел не в вельботе, а рядом с телами погибших. Почему я так решил? Потому что из пистолета недавно стреляли. И потом, при наличии двух запасных магазинов, он не был перезаряжен. Если бы человек взял этот пистолет как трофей, то перед тем как бросить его в сумку, разрядил бы. А если это не трофей, а личное оружие, то как он оказался упакованным в мешок? И тем более – привязанный к банке?

Так или иначе, но эти двое сумели добраться до берега. Погода в тот день была плохой и ветреной. Парочка решила поискать укрытие. Они его нашли. В пещере на берегу. Там нарвались на прибрежных гиен, которые часто крутятся на берегу в поисках тюленей. Люди добрались до пещеры – и тут началась стрельба. Увы, но девять пуль, выпущенных из пистолета, проблем не решили, и гиены взяли свою добычу.

В пещеру Матео идти отказался. Сказал, что подождет снаружи. Да, картина была не из приятных. Правда, это объяснило подбор оружия. И кинжал с серебряной насечкой, и карабин под «неправильный» калибр, и разукрашенный револьвер.

Внутри я нашел два трупа. Ближе к входу лежал мужчина.

Черноволосый парень лет тридцати, не больше. Нос с горбинкой, аккуратно подстриженная борода. Правда, его тело здорово повреждено, но черты лица разглядеть можно. Рядом с его телом Матео и подобрал пистолет.

Вторым трупом оказалась женщина. У нее сломана нога. Видимо, пострадала при высадке на берег. Обрывки хиджаба. Нет, хиджаб – это не головной платок, как его ошибочно называет «белый» мир. Это, если можно так выразиться, любая одежда, соответствующая нормам шариата. Вот его обрывки и сохранились на теле.

Рядом с мужчиной лежали две убитых гиены. Кстати, человеческие трупы хоть и обгрызли, но не сильно. Лица еще можно было разобрать. Получается, что мои ночные визави ждали именно этих людей. И те везли что-то небольшое и ценное. Думаю, они здесь были. Осмотрели пещеру, разбитый вельбот и трупы. Ничего не обнаружив, решили, что груз подобрал кто-то из местных. Так они вышли на Матео, который хвастался своим приятелям, что легко заработал четыреста эку.

Матео утверждает, что не обыскивал женщину. Забрал валявшиеся на земле пистолет и мешок. Все... На трупах ничего больше не было. Разная мелочь, вроде сорока эку во внутреннем кармане куртки, зажигалка и разная карманная мелочовка – не в счет.

Кстати, это доказывает, что Матео на этот раз не врут. Если бы он обыскивал трупы, то деньги, швейцарский нож и зажигалку – точно бы забрал. Их приятели не забрали эти вещи лишь потому, что искали нечто большее. Эта карманная мелочь их только разозлила.

Трупы я хорошо обыскал. Ничего ценного не нашлось.

Остаются два варианта. Или *это* лежит у меня дома... или... не знаю.

Я вылез из пещеры и дернул с лица косынку. Метрах в пяти стоял Матео и испуганно смотрел на меня.

– В машине найдешь лопату и кирку. Принеси сюда. Надо выкопать яму.

– Зачем?

– Ты идиот, Матео, или прикидываешься? Их надо похоронить. И сообщить властям про найденные здесь тела.

– Да, сеньор Карим. Сейчас принесу.

Потом мы вернулись в Виго. Смыли с себя грязь, пообедали. Матео совсем притих. А через пять часов пришел конвой, и я встретил семью своей сестры. Крики, поцелуи и, конечно, – упреки, что упрямый брат никак не найдет время, чтобы заняться своей личной жизнью. Мне кажется, что моя жизнь и так не страдает от неполноценности, чтобы искать что-то новое, но сестра думает иначе.

Конвой – это всегда новости. Хорошие и плохие. Разные. В этот раз новости хорошими не назовешь. Мало того что муж сестры приехал, так еще и слухи о будущей войне привезли. Русские из Демидовска, кажется, серьезно схлестнулись с чеченцами, которые заняли территорию южнее Амазонки. Да, в тех краях, где мы бродили с Чамберсом.

Там постоянно постреливали, но в этот раз дело зашло слишком далеко. Мне кажется, что Орден в этой будущей войне уже нашел свое место. Занял «нейтральную» позицию. Знаете, бывает такой нейтралитет, который позволяет делать неплохие деньги. Вот и сейчас Орден снабжает чеченцев оружием и исподволь науськивает их на русские территории. Поддерживает слабую сторону. Если Демидову станет совсем туго, то власти Ордена и ему подбросят что-нибудь полезное. Разумеется, в обмен на демидовское золото.

15 год по летоисчислению Нового мира

Виго

Послышался тихий стук кружки, поставленной на прикроватную тумбочку, и до меня донесся легкий аромат кофе. Чувствую, как теплое женское тело прижимается к моей спине. В закрытые глаза светит наглое солнце. Нежная женская ладонь прикасается к моей щеке. Еще немного – и я начну мурчать, как Рино, от удовольствия такого пробуждения.

Кстати, о Рино. Слышно, как этот обжора гремит миской на кухне. Видимо, получил свою утреннюю порцию и теперь разделяется с куском свежего мяса.

– Карим... – Она нежно проводит пальчиком по моим губам и шепчет: – Просыпайся, бездельник.

– Угу...

– Нет, Карим, ты весь вставай.

– Мм...

– Поднимайся. Ну что за наказание на мою голову! Ты убежал от семейного ужина. Не будь занудой, появись хотя бы к завтраку. Иначе сестра тебя прибьет. И меня заодно.

– Да, моя сестра – такая. Она может. Если найдет, – не открывая глаз, бурчу я. – Но ты ведь меня не выдашь этим террористам из Порто-Франко?

– Не знаю, не знаю. Я подумаю. – Она наклоняется надо мной, и я чувствую ее волосы, щекочущие мое лицо. – Я обязательно подумаю над вашим предложением, сеньор Шайя.

– Ты вредная женщина, Беатриче! – Еще пытаюсь оттянуть этот момент, когда придется открывать глаза, и привычно ворчу. – Будишь ни свет ни заря. Закармливаешь мясом Рино и дразнишь запахом кофе. Тебе не стыдно?

– Вот как? – Она обиженно тянет фразу, и я чувствую ее теплые губы и легкий поцелуй на плече. – Значит, я дразню тебя только запахом кофе? Как это обидно... А я уже подумала...

– Ну все, Беатриче! Ты меня разбудила! Теперь не жалуйся...

Знакомьтесь, господа, – Беатриче Альварес. Если верить жалким крупичкам информации, которые мне удалось собрать о ее прошлом, то Беатриче Альварес де Толедо. Вы удивлены, что я проверял прошлое своей подружки? Увы, это вышло случайно. Когда мы с ней познакомились, я занимался одним щекотливым делом, связанным с похищением моего коллеги. Поэтому и опасался, что меня убьют раньше, чем сумею помочь. Наше нечаянное знакомство с сеньорой Альварес было похоже на хорошо запланированную встречу, поэтому я немного задержался. Чтобы лишний раз не терзаться, навел справки по своим каналам и успокоился. Наше знакомство и правда оказалось совершенно случайным. Что случилось с тем ювелиром? Все закончилось благополучно, и «дело о пропавшем ювелире» кануло в Лету. Он выжил и сейчас живет в Портсмуте. Правда, с прежним бизнесом завязал и теперь занимается грузовыми перевозками.

После этой истории и нашего нечаянного знакомства отношения с Беатриче нечаянно превратились в роман. Пусть и не такой бурный, о каких пишут в книгах, но романтичный. Мы обнаружили, что в наших судьбах есть много похожего. Нашли и достаточно различий, чтобы не наскучить друг другу. У каждого за спиной свой кусочек истории. Своя жизнь, свои потери и находки. Нам хорошо вместе.

Беатриче – стройная рыжеволосая бестия с серо-зелеными глазами. Ей тридцать два года (по летоисчислению Старого Света). Это не женщина, а что-то неопишное. Водоворот, в который тебя засасывает, и ты забываешь, что тебе уже за сорок, а за стенами спальни есть какой-то Новый и совершенно дикий мир. Нет, дело не только в хорошем сексе. В моем возрасте уже отчетливо понимаешь разницу между хорошим сексом и занятиями любовью. Это нечто большее, чем хорошо проведенное время в компании приятной женщины. Это покой, умноженный на непредсказуемость. Взрывная смесь страстей и нежности. И кроме всего этого – мы очень большие друзья...

Спустя два часа после того как меня безжалостно разбудили, я толкнул дверь нашей лавки. Дверной колокольчик приветливо звякнул, пропуская меня и Рино в прохладный сумрак торгового зала. Даже чересчур приветливо. Будто злорадствовал: «Сейчас! Сейчас!» Да, черт побери, я знаю! Сейчас мне достанется от сестры на орехи. За то, что вчера вечером ушел ночевать к Беатриче, вместо того чтобы провести тихий вечер с сестрой.

Да, я не люблю такие вечера. И чинно-благородные семейные торжества тоже не люблю. Единственная радость от этого приезда – мой племянник Шарль. Ему четыре года, и этот парень ни секунды не усидит на месте. Весь в своего дядьку. Такой же непоседа. С Эльмирой мы достаточно наговорились вчера, сразу после приезда. В общем – я уже в курсе всех семейных новостей и планов. Убить весь вечер на общение с ее мужем желания не было.

Так и вижу эту унылую картину – сестра и Беатриче хозяйничают на кухне, а мужская половина сидит в гостиной, пьет вино или пиво. Я слушаю Пьеро и его вечные бизнес-планы на будущее. Очередное страдание на тему «как заработать миллион и не испачкать лапки кровью». Эльмира, с хитрым выражением на лице, пытается разузнать у сеньоры Альварес, когда же мы наконец поженимся? Беатриче, с таинственной улыбкой, кивает головой и обещает, что «вот-вот, еще немного – и все будет в шоколаде». Потом, сидя за столом, моя сестра будет говорить туманными намеками, а Беатриче – ухмыляться и украдкой показывать мне язык. Увольте меня от этой радости...

Когда я вошел в лавку, Керро стоял за прилавком и шелестел бумагами. Рядом с ним крутился Матео с метлой. Видимо, Васкес решил трудоустроить парня, чтобы тот не бездельничал.

– Привет, Карим!

– Привет, Керро.

– У меня для тебя есть четыре новости, amigo.

– Целых четыре? Не многовато для утра? Надеюсь, что они хорошие?

– Не знаю; это тебе решать. – Керро пожал плечами. – Во-первых, заходил наш падре и очень хотел тебя видеть. Мне показалось, что он слегка расстроен. Потом пришел какой-то мужчина. Судя по всему – прибыл со вчерашним конвоем. Невысокий, плотный, седоватый. Лет пятидесяти с небольшим. По акценту – американец. В-третьих, прибежал парнишка от «старика» Ринго. Ничего не сказал, но спросил, когда тебя можно застать.

– Это уже интереснее...

– И, в-четвертых, твоя сестра...

– Ждет меня к завтраку?

– Да. Жутко недовольна, что ты вчера смылся.

– Я не смылся, а решил отдохнуть от ее разговоров.

– Она злая, как...

– Как ведьма на погосте, – перебил его я. – Это ее нормальная реакция. С тех пор как она вышла замуж, я все реже и реже вижу ее довольной. Лучше бы она сходила куда-нибудь в гости.

– Кстати, они так и собирались сделать. Вместе с моей старшей и твоим племянником.

– Вот и прекрасно. Ладно, сейчас это меня не очень интересует. – Я развернулся и пошел к дверям. Уже открывая дверь, на секунду задержался и усмехнулся: – Да, совсем забыл! Скажи моей сестре, если она вдруг спросит, что я очень... очень торопился! Может быть, вернусь к обеду. Или к ужину. Если дела окажется срочными, то утром. После завтрака...

Ринго я нашел на пристани, неподалеку от грузового терминала, где он слонялся в компании себе подобных. Есть в Виго несколько «деловых» мальчиков. Они из тех, кто оперирует пациентами без наркоза и скальпеля. Как правило – испанской навахой, где-нибудь на окраине города, в подворотне. Ближе к закату. Будь я на месте шерифа, то давно бы выбросил их из города, но Стив не торопится. Иногда мне кажется, что он получает жирный куш от этих парней. Если это так, то он здорово рискует. Когда жители про это узнают, то альгвасила просто повесят. Без долгих разговоров и споров.

«Старик» Ринго заметил меня и кивнул на таверну, расположенную неподалеку. Через несколько минут он не спеша попрощался с приятелями и лениво, держа руки в карманах, отправился к приземистому зданию.

Таверна была обычным портовым кабачком, расположенным на пересечении улицы, ведущей от ворот терминала, и набережной. Днем здесь обедали служащие, работающие в порту, а по вечерам заходили рыбаки, чтобы пропустить пару кружек пива перед сном.

– Доброе утро, сеньор Шайя, – кивнул мне Ринго.

– Ты меня искал?

– Да, у меня есть небольшая новость для вас.

– Даже так? Говори.

– Вас ищет один человек. Он вчера прибыл с конвоем.

– Кто такой?

– Не знаю. Судя по его виду – американец. Лет пятидесяти. Он не молод, – парень щелкнул пальцами, – но это опасный парень. Поверьте мне на слово.

– Да, ко мне в лавку заходил какой-то гринго. Правда, меня не было.

– Мое дело – предупредить...

– Спасибо. – Я кивнул и поднялся.

Когда вышел на улицу и повернул в сторону грузового терминала, меня окликнули по имени. Повернулся и увидел нашего городского священника. Отец Климент, так его звали. Это высокий, черноволосый мужчина с худым лицом и стальными пальцами. Сильный мужчина. Даже удивительно, при его-то худобе. Жители его обожают за просветительскую деятельность. Он из тех, кто может несколькими словами успокоить буяна и унять женскую истерику. Как говорит Стив Бальмонт: «Не будь падре таким ярым церковником, половина мужчин преврати-

лась бы в рога носцев». Тут Бальмонт прав, и это не преувеличение! Женская половина нашего городка без ума от отца Климента.

Наши отношения с этим священником можно назвать странными. Мусульманин и католик, которые встречаются, чтобы посидеть за бутылкой вина или партией в шахматы. Иногда, зацепившись за какой-нибудь исторический факт, спорим о Библии и Коране. Наши споры бессмысленны и, как правило, бесконечны. Я не настолько религиозен, чтобы искать в этих разговорах какой-то богословский смысл, а падре достаточно мудр, чтобы не изобличать мою необразованность. Это скорее сравнительный анализ, не более.

– Доброе утро, падре!

– Добрый день, Карим!

– Керро говорил, что вы меня искали?

– Да, – он кивнул, – заходил сегодня.

– Что-то случилось?

– Мы давно не виделись. Хотел тебе напомнить, что у нас одна незаконченная партия в шахматы.

– Помню, – усмехнулся я и развел руками, – думал, что вы уже сдались.

– Не в этот раз. Зайдешь сегодня?

– Увы, но сегодня никак не получится. Сестра приехала, и дел по горло.

– Кто понял жизнь, тот не спешит. Отложи дела на несколько часов. Надо поговорить.

– Стряслось что-то серьезное?

– Да, можно сказать и так. Я бы не хотел афишировать эту проблему.

– Даже так...

– Полагаю, что да. Кстати, это касается Матео и его матери.

– Черт побери...

– Да-да... – Он еще раз кивнул и попрощался. – Жду тебя вечером.

– Хорошо, падре.

15 год по летоисчислению Нового мира

Виго

– Карим!

– Майкл?!

Вот это встреча! Передо мной стоял Майкл Беннет. Да, тот самый оружейник Ордена, с которым мы десять лет назад отбивались от банд в Аламо. Последний раз встречались в Порто-Франко. Случайно столкнулись на несколько минут и даже поговорить не успели. Если память не подводит, то это было лет пять или шесть назад. С тех пор он немного погрузнел, но взгляд – такой же. Изучающий, слегка насмешливый и немного настороженный. Он, как и прежде, излучает силу, которая незнакомых людей настораживает. Загорел, но выглядит молодцом, как и в былые годы. Широкополая шляпа, рубашка, расстегнутая до живота. Потертые джинсы и светло-коричневые армейские ботинки с высоким берцем. Из кобуры выглядывает кольт пративительственной модели. И все так же жует табак, не изменяя ни вкусам, ни привычкам.

– Ты все такой же, старина!

– Да и ты не изменился, старый развратник! – сказал он и захохотал.

– Так это ты меня искал?

– А кто же еще? Или тебя тут постоянно разыскивают? Узнаю Карима Шайя! Вечно кому-нибудь дорогу переходит! Рассказывай, кому успел на хвост наступить?

– Вроде таких нет, – пожал плечами я и, усмехнувшись, добавил: – Среди живых. Просто мне уже сказали про какого-то хмурого гринго, который ходит по Виго и пугает своим видом моих осведомителей.

– Ты уже «оброс шерстью»? Личные осведомители и все такое?

– Работа такая...

– Да, слышал, что ты забросил оружие на полку и начал делать безделушки для девушек.

– Майкл, я уже стар! Годы уже не те, чтобы бегать за дамочками и на свидания. Теперь они сами приходят ко мне в мастерскую. Этот вариант меня больше устраивает.

– Ты совсем не изменился. – Он ткнул меня кулаком в бок и усмехнулся. – Ну что же – может, это и к лучшему.

– В смысле?

– Долго объяснять, – отмахнулся он. – Какие у тебя планы на вечер, старина?

– Пока никаких. Есть одна встреча, но думаю, долго не задержусь.

– Тогда давай сделаем так. – Он проводил взглядом женщину, которая прошла мимо нас, и хмыкнул. – Хороша чертовка! Хм... Когда освободишься, заходи в гостиницу, рядом с банком. Посидим, поговорим, кое-что обсудим.

– Договорились.

Ближе к вечеру я наскоро перекусил с семьей сестры. Выслушал ее дежурные претензии о «непутевом брате, который уже постарел, но так и не поумнел», что-то промычал на рассказ ее мужа о его бизнесе и отправился к священнику.

Падре Климент жил рядом с костелом. Это меньше чем в десяти минутах ходьбы от набережной. На небольшом холме, лет десять тому назад, был возведен костел. Рядом с ним появился небольшой домик для священника. Он жил в одиночестве, если не считать прислуги. В хозяйках у него – карга неопределенного возраста и вида. Если вы встретите ее вечером, то легкий шок вам обеспечен. Она похожа на ведьму из сказок братьев Grimm.

Так как по вечерам можно легко нарваться на неприятности, то вдобавок к пистолету с небольшим ножом взял еще и автомат. Наброшенный на плечо «калашников» с двумя магазинами, скрепленными изолентой, – привычная картина для этих мест. Нечто похожее на трость или зонтик для старосветского джентльмена: можно обойтись и без этого, но желательно прихватить. Зачем? На случай плохой погоды.

На удивление, дверь открыла не старая карга, а сам священник. Мы прошли в гостиную, где и устроились в креслах за небольшим журнальным столиком.

Обычная комната приходского священника. Два шкафа с книгами, шахматный столик с незаконченной партией, распятие на стене и буфет.

– Карим, – начал он, – ты слышал, что русские начали воевать с мусульманами?

– Воевать? Если не ошибаюсь, там обычная пограничная свара. С тех пор как чеченцы поселились к югу от Амазонки, эти конфликты не прекращаются.

– Сейчас это может перерасти в нечто большее.

– Не думаю.

– Как знать, как знать... И что ты думаешь о этом?

– У меня есть знакомые по обе стороны – в Джохар-Юрте и Демидовске.

– Ты ведешь с ними бизнес?

– Нет, падре, это нельзя назвать бизнесом. Это полезные знакомства, которые иногда помогают выжить. Случаи, как вы знаете, бывают разными.

– Да-да, конечно...

– Вы хотели со мной поговорить о матери Матео, – напомнил я.

– Да, я не забыл. Дело, собственно, вот в чем...

Следующие несколько минут разговора можно опустить. Видимо, он долго не решался и не находил правильных фраз, чтобы подойти к цели разговора. Но чем дольше он говорил, тем больше у меня становились глаза. От удивления. Когда он озвучил цель нашей встречи, то у меня вообще челюсть отвисла.

– Зачем вы мне это говорите? – Я посмотрел на собеседника.

– Меня просили это передать, – он пожал плечами, – только и всего. Ты взял то, что тебе не принадлежит.

– Если вы про оружие, найденное на трупах, то они могут его забрать.

– Железки можешь оставить себе. На память, – пастор махнул рукой и усмехнулся, – о нашем откровенном разговоре. Но тебе следует вернуть то, что было у нашего погибшего брата. Это дорогие вещи.

– Вам, падре, что – голову напекло? Я уже сказал, что ничего не брал.

– Ты упорствуешь в своих заблуждениях, Карим Шайя. Жаль. Подумай хорошо. Пока ты здесь развлекаешься, твои братья по вере воюют за свободу.

– Свободу? Кто же успел завладеть их душами? Пачки эю из банка Ордена?

– Ты опасно шутишь, Шайя.

– Как вы объясняете, падре, – я развел руками, – так и шучу. Тем более что меня несколько удивила смена вашего имиджа. Известный духовник города Виго, который неожиданно превращается в мусульманина... Вы не боитесь, что расскажу про это жителям?

– Кому больше поверят? – улыбнулся священник. – Мне, который живет в этом городе почти со дня его основания, или тебе – бывшему наемнику? Тем более когда идет война, Карим, – все средства хороши. Иногда волку приходится набросить баранью шкуру. Да, я мусульманин, которому пришлось занять место католического священника. Увы, но мы с ним были очень похожи.

– И давно вы в этой шкуре?

– Неправильный вопрос...

– Баранья шкура, спрашиваю, не приросла к мясу?!

Я думал, что в ответ он взорвется. Нет, этот парень – настоящий профессионал. И он недаром столько лет служит в Виго, прикрываясь личиной церковника. Кто бы мог подумать, что католический падре окажется мусульманином? Скажи я такое кому-нибудь из местных жителей – меня бы на месте растерзали. В мелкие клочья.

Даже удивительно, что он решил открыться. Неужели эта пропавшая вещь – настолько ценная, что он рискнул многолетней работой?

– Не приросла. Это произошло еще там, – он махнул рукой, – в Старом мире.

– Заменили собой какого-нибудь беднягу?

– Так уж получилось, что мы были очень похожи.

– И с какой стати вы вдруг решили мне открыться?

– Я тебе уже сказал. Верни то, что находится у тебя.

– Опять – деньги за рыбу... Я уже сказал – понятия не имею, что именно вы ищете! Вы бы хоть намекнули, что имеется в виду! Чемодан с деньгами? Оружие? Что именно? Это что, как-то связано с конфликтом между чеченцами и русскими?

– Война против неверных, – наставительно продолжил отец Климент, – всегда осветляет души. Твоя же – погрязла в грехе и пороке. Не усугубляй пропасть между собой и своими единоверцами.

– Извини, падре, но я не привык к таким пышным речам. Они похожи на древние, пересыпанные нафталином тряпки. Ты позвал меня, чтобы говорить о вере?

– И о вере – тоже. Наступают смутные времена. Падут непокорные, и будут посрамлены сомневающиеся. Джихад...

– Остановись! – Я даже поморщился. – Пока ты не произнес это святое для мусульманина слово, я думал – ты заболел и бредишь. Теперь вижу, что ты просто безумен. Иначе бы ты давно понял, что спорить со мной о таких вещах бессмысленно. Мне уже надоело слушать извращенные фантазии на богословские темы. Надоело слушать очередную ерунду про джихад. Ты знаешь, что такое настоящий джихад, падре? Это усердие на пути к Богу. Даже я, не верящий ни в Бога, ни в дьявола, это знаю. Единственная сура в Коране, где джихад описы-

вает войну, – это «Аль-Бакара». Что за дела, святой отец? Ты знаешь Коран лучше, чем я, но с ослиным упрямством продолжаешь пичкать меня очередным бредом, с помощью которого твои приятели накачивают шахидов перед боем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.